

От ненависти *До любви*

**АЛЛА
ПОЛЯНСКАЯ**

МОЯ НЕЗНАКОМАЯ ЖИЗНЬ

Алла Полянская

Моя незнакомая жизнь

«ЭКСМО»

2014

Полянская А.

Моя незнакомая жизнь / А. Полянская — «Эксмо», 2014

Рита Лукаш – риелтор со стажем – за годы работы привыкла к любым сюрпризам, но это было слишком даже для нее: в квартире, которую она показывала клиентке, обнаружился труп Ритинового давнего любовника. Все обставлено так, будто убийца – Рита... С помощью друга-адвоката Лукаш удалось избежать ареста, но вскоре в ее собственном доме нашли зарезанного офис-менеджера риелторской фирмы... Рита убеждала всех, что не имеет представления о том, кто и зачем пытается ее подставить, однако в глубине души догадывалась – это след из далекого прошлого. Тогда они с Игорем, школьным другом и первой любовью, случайно наткнулись в лесу на замаскированный немецкий бункер времен войны и встретили рядом с ним охотников за нацистскими сокровищами... Она предпочла бы никогда не вспоминать, чем закончилась эта встреча, но теперь кто-то дает ей понять – ничего не забыто...

© Полянская А., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	38
Глава 6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Алла Полянская

Моя незнакомая жизнь

Глава 1

Хороший риелтор труса праздновать не привык. Собственно говоря, риелторство – это именно та работа, на которой человек видит все на свете и в какой-то момент перестает и бояться, и удивляться. Правда, наблюдать изнанку жизни чревато потерей веры в человечество. Ведь с чем приходится постоянно сталкиваться? Богатые квартиры и их хозяева, такие разные, или убогие квартирки, в которых нищета всегда одинакова, а люди – всякие-разные. Однако у элементов этого хаоса есть одна общая черта: когда дело касается денег и имущества, из граждан начинает литься столько всякого, что смотреть противно. Вот в какой-то день вера в человечество как-то и теряется.

Иногда, когда я вижу беснующихся, рвущих друг у друга деньги и имущество людей, у меня к горлу подкатывает тошнота. Но с ней помогает справиться поллитрушка кока-колы. Хотя чему, собственно, удивляться, тому, что при виде денег практически у всех срывает крышу? Это плохо, да, но так было всегда. Именно за это я ненавижу человечество.

Когда долго работаешь в сфере торговли недвижимостью, начинаешь очень специфически видеть мир. И лица людей сливаются в какое-то мутное пятно. Зато начинаешь отлично запоминать планировку квартир, цвет обоев, симпатичные морды хозяйских котов и собак, рыбок в аквариумах, а заодно вонь от жарящейся рыбы из кухни, застарелой мочи из туалетов. Одним словом, черт знает что еще оседает в памяти, но людей не воспринимаешь вообще.

Наилучший для меня вариант, когда квартира стоит пустая, а у нас в агентстве лежат ключи. Сие означает, что с хозяином подписан договор, согласно которому квартирные метры продаем только мы – эксклюзив, так сказать. Наш директор Руслан жутко гордится такими «вариантами», мы же, риелторы, тихонько хихикаем у него за спиной. Потому что никто из нас эту работу не воспринимает настолько серьезно, шеф-то всегда в плюсах, заработали мы или нет, дело второе. Но в одном Руслан прав: когда квартира договорная, проблем намного меньше. Есть клиент – ведешь его и показываешь халупу или дворец, не надо договариваться с хозяевами, утрясая время посещения, удобное обеим сторонам неготиции. К тому же не факт, что застанешь владельца в нормальном состоянии, вполне можно нарваться на семейную сцену или дым от той же жареной рыбы. Впрочем, это уже издержки, тут ничего не поделаешь.

Сегодня мне надо показывать возможным покупателям пустую трехкомнатную «хрущевку».

Я ее и вчера показывала молодой паре, готовой сунуться в кредитную кабалу. Что ж, каждый сам кузнец своего несчастья, мне-то что? Хотят люди отвалить бешеные деньги за развалину – флаг им в руки, лишь бы мне мои комиссионные упали, а там трын-трава не расти, свои мозги никому не вставишь. Лично я такую квартиру и даром бы не взяла... хотя нет, вру, даром бы взяла, а так – нет.

Но если честно, это я уже умничаю, забыв, как жила у сумасшедшей бабульки, потом у другой такой же, затем в жуткой общаге – короче, кочевала с места на место, пока не купила себе квартиру. Вот в период того кочевья мне и железный ларек, брошенный кем-то на стройплощадке, казался приемлемым вариантом для житья, лишь бы свой был. Так что я все же невольно сочувствую своим клиентам, потому что на собственной шкуре хорошо узнала, что такое быть бездомным. А потому пусть приобретают «хрущевку». Неважно, что сарай, зато своя крыша над головой.

В данный момент ту же квартиру желала посмотреть истеричная брюнетка. Она смуглая, с узкими колючими глазками, одета в черное длинное пальто с черным же пушистым воротником. Потенциальная покупательница улыбается мне, как змея в траве, и я сама не знаю отчего, так не хочу иметь с ней дела, что просто тупик какой-то в организме. Но беру себя в руки, вспомнив о том, что деньги имеют свойство заканчиваться, а потому следует взять ключи и улыбаться злобной красотке самым приветливым образом. Так, словно я мать Тереза или кто-то другой в таком же роде.

– Нужно подписать договор на обслуживание.

– Какой еще договор?! – немедленно взвизывается клиентка.

Так, начинается... Боже, дай мне сил!

– Стандартный договор. Если мы смотрим квартиру, она вам подходит и вы ее покупаете, то выплачиваете нам комиссионные. Если нет – значит нет.

– Зачем что-то подписывать? Я и так вам заплачу. Мы же порядочные люди!

Ага, сейчас. Из опыта давно знаю: как только клиент начинает бить себя пяткой в грудь криками, что он порядочный человек, – все, баста, без подписанного договора ни шага в сторону квартиры делать нельзя. Собственно, практически все клиенты так или иначе пытаются сделать финт хвостом в плане выплаты нам комиссионных, но именно те, кто заводит разговоры насчет своей порядочности, способны на самый мерзкий кидок. А ведь комиссионные – это мой заработок!

Надеюсь, дамочка сейчас откажется ставить свой росчерк на бумагах и уйдет. А лучше было бы сразу послать ее по известному адресу. Но, возможно, у меня к ней предубеждение – терпеть не могу мелких тощих брюнеток, все они, как правило, подлые, лживые и такие вот истеричные. Но приходится, прилепив на лицо постную улыбку, настаивать на подписании договора.

– Видите ли, у нас такой порядок перед тем, как ехать на объект.

– Что? Три процента? За что я должна буду заплатить вам такие деньги?

«За то, что я вынуждена общаться с тобой, сука ты такая! – произношу я, естественно, про себя. – Я тебе даже улыбаюсь, надеюсь, ты заметила? Вот именно за это».

– Там все написано. Если вас что-то не устраивает...

– Я пойду в другое агентство, и там мне уступят в проценте.

– Ваше право. Но конкретно эта квартира продается только через нас.

Прямо вижу, какие крутятся мысли в ее башке. Красавице не хочется связывать себя договором, потому что она изначально не собиралась нам платить, но цена квартиры ей подходит, как и район, и этаж. Так что придется и подписать, и заплатить. По итогу клиентка, конечно, попытается зажить наши комиссионные, но это уже будет не моя печаль. Мне за работу гонорар выдает Руслан – в день сделки, как у нас заведено. А вот Руслану заплатит дамочка. Кстати, если попытается его кинуть, то выложит гораздо больше, чем по договору. Правда, то, что она заплатит сверху, пойдет людям, которые явятся к ней за деньгами. И все-таки мне ужасно хочется, чтобы змеюка сейчас встала и ушла. Не знаю, отчего. Даже перспектива заработка не вдохновляет. Ну же, три процента – это действительно безбожно дорого, вставай и уходи...

Со мной бывает так иногда – только гляну на человека и уже терпеть его не могу. Но, надо сказать, чуйка меня еще ни разу не подвела.

– Ладно, я подпишу.

Вот черт...

– Будьте добры, ваш паспорт.

Так, и что у нас тут? Литовченко Нина Валерьевна... на три года моложе меня... Ненавижу имя Нина, колхозное оно какое-то. Сразу возникает ассоциация с войлочными чунами и засаленным фартуком. Но что мне до нее? Это же ее, слава богу, так зовут, а не меня.

– Может, мы с вами как-то договоримся, и я заплачу лично вам... – не успокаивается клиентка.

– Извините, я работаю на предприятие.

– Но какая вам разница? Дам ту сумму, которую по итогу вы рассчитываете получить, вы ничего не потеряете!

– Это неприемлемо, – шелестя бумагами, произ-ношу я.

А мысленно совсем другое: «Да ты же заложишь меня просто из любви к искусству! Твоя паскудная натура у тебя на морде написана! Я вообще не хочу иметь с тобой ничего общего, не то что какие-то скользкие дела вести, и очень надеюсь, что вижу тебя сегодня в первый и последний раз, так активно ты мне не нравишься».

– Вот ваш экземпляр договора. Подождите меня в приемной, я сейчас оденусь и возьму ключи от квартиры.

– Может быть, я тут посижу?

– Извините, но у нас такие правила.

Конечно, можно было бы клиентке разрешить и в переговорной меня ждать, но мне не хотелось оставлять дамочку без присмотра. Вот не хотелось, и все! Черт, да что это сегодня со мной?

– Значит, обработала тетку, – встречает меня улыбкой наш офис-менеджер. Сашка неплохой парень, и в другое время я бы что-нибудь схохмила ему в ответ, но не сейчас.

– Ты не сказал покупательнице о процентах!

– Ага, слушай ее больше... Конечно же, сказал. Но она, видимо, решила, что наедет на тебя и ты поведешься.

– Ну да, вот прямо сразу и соглашусь...

Я одеваюсь, и Сашка вручает мне знакомую связку ключей. Тернист путь греха... Ладно, покажу Нине Валерьевне квартиру. И все! Мне с ней детей не крестить, а клиентами разбрасываться не дело. Хотя такое, как сейчас, со мной случается редко – чтобы настолько с первого взгляда не нравился человек и для общения с ним приходилось буквально наступать себе на горло.

– Рита, возьми с собой Маринку, ей надо учиться, – кричит из своего кабинета Руслан.

Маринка – наш стажер, молоденькая девушка, необразованная и темная, как гудрон. Но есть какая-то причина держать ее здесь, и Руслан вынужден, так что последние три месяца Маринка путается у всех под ногами и греет уши на наших разговорах. В другое время я бы так окрысилась на шефа за попытку навязать мне эту обузу, что ему бы еще месяц кошмары снились, но сейчас я болотного черта возьму с собой, лишь бы не общаться с противной Литовченко. А Маринка уж всяко лучше черта.

– Ладно. Только пусть мигом собирается, дожидаться не буду, – откликаюсь я ворчливо.

Должна же я поддерживать свою репутацию человека с самым паршивым в нашем агентстве характером. Правда, Руслан иногда говорит, что я бью даже мировые рекорды, но это он предубежден, насчет всего мира директор точно знать не может.

– Я уже готова!

Девчонка втиснулась в коротенькую куртеньку-обдергайку, из-под которой струятся длинные тощие ноги, обтянутые тоненькими джинсиками. Вот дурища! На улице мороз такой, что деревья трещат, а у нее из-под курточки голый живот с сережкой в пупке высовывается. Господи, твоя воля! Куда смотрела ее мамаша, выпуская дочурку сегодня из дома? Но я ей, к счастью, не мать. И не все ли мне равно, дойдет она до объекта или замерзнет в сугробе? Замерзнет так замерзнет, хрен с ней, невелика потеря.

– Шапка твоя где?

– Я так пришла.

– Или надень шапку, или оставайся.

– Рита, но...

– Саша, на улице мороз градусов двадцать, нам шагать минут десять-пятнадцать, а она практически голышом.

– У нее все равно ничего нет.

Я вздыхаю и снимаю шарф. Ну вот, теперь из-за юной идиотки у меня будет мерзнуть шея.

– Не хочу ничего надевать...

– Еще как наденешь!

Стажерка пытается оттолкнуть меня, но не на ту напала. В итоге я бью Марину по рукам и, заставив встать смиренно, обматываю ее голову шарфом, застегиваю куртку.

– Твой голый живот посреди зимы никому и на хрен не нужен, так что красота подождет до лета. Шагай живо, клиентка дожидается.

И пусть только посмеет сейчас что-то мяукнуть!

Но девчонка молча бредет за мной, обреченно стуча по плиткам пола высокими тонкими каблуками. Хорошо иметь такую репутацию, как моя, – зря никто связываться не рискнет и спорить не станет.

Мы идем по улице. Маринкины каблукы вязнут в снегу, клиентка тоже тонет в сугробах и едва семенит, я нависаю над ними, как телевышка, и раздражаюсь с каждой минутой все больше. Потому что когда я делаю шаг, им приходится за мной бежать, и я из вежливости вынуждена тормозить, а тормозить свои шаги я не люблю.

– Вот, пожалуйста, квартира в этом доме. Первое поколение «хрущевок» – мраморная крошка в бетоне, потолки два шестьдесят. На входе железная дверь с кодовым замком. Обратите внимание, какой чистый подъезд – не валяются шприцы, ничем не воняет, двери в квартиры выглядят прилично, значит, здесь нет алкашей и наркоманов. Третий этаж, как вы и хотели, – не высоко и не низко. В квартиру ведет металлическая дверь, три отличных замка, на полу паркет, недавно его отциклевали. Квартира очень светлая, в неплохом состоянии...

Такова технология нашей работы – говорить, говорить без остановки, пересыпая свой монолог околостроительными терминами. Главное – не заврататься. Но клиент должен видеть, что ты знаешь, что продаешь.

– Вот, обратите также внимание, какая необычно просторная кухня. Для такой квартиры это нехарактерно, обычно в «хрущевках» кухня пять с половиной метров, и делай в ней что хочешь, но стоя. А тут почти семь метров. Захотите – можно убрать стенку между кухней и комнатой, это сейчас модно.

– Я так и собиралась сделать.

– Ну, видите, отлично. Еще обращаю ваше внимание на размер гостиной – восемнадцать квадратных метров. Комната, как видите, очень светлая. Обои, конечно, старенькие, но даже если бы они были новые, вы наверняка бы их поменяли, а эти снять будет легко. К тому же вы знаете наших людей: прилепят на соплях десяток плиток дешевого кафеля, сикось-накось наклеят обои за три копейки – и уже голосят, что в помещении свежий ремонт, поэтому цену задирают несусветную. Здесь, безус-ловно, ремонт понадобится, но зато цена приемлемая. Теперь посмотрим спальню...

Риелтор не должен бояться ничего и никогда. Маринка грохнулась с высоты своих каблуков просто на паркет, голова ее глухо стукнулась об дощечки – хорошо, что шарф толстый. Клиентка завизжала на высокой ноте. А вот я не испугалась, вовсе нет.

Хотя и мне слегка муторно стало. Потому что на полу маленькой комнаты живописно расположился труп какого-то парня с разрезанным от уха до уха горлом. Кровь на стенах и потолке, кровь на паркете, уже запекающаяся, темная. Думаю, ее теперь не отмыть ничем, придется заново циклевать и покрывать лаком, а обои ободрать и наклеить новые, иначе квартира не продастся до морковкина заговенья. Да и запах тут... Но я держусь. Кстати, кровь не успела

совсем засохнуть, но уже потемнела, значит, убили парня несколько часов назад. Не то чтоб я боялась мертвецов, просто трупу здесь в принципе неоткуда было взяться...

– Прекратите визжать!

Однако клиентка на мои слова не реагирует. Да, наверное, и не слышит их. Но мою пощечину она точно ощутила. Слава богу, я давно хотела это сделать. Мне стало значительно легче на душе после того, как я дала Нине Валерьевне по морде.

– Мне... мне надо отсюда уйти, – лепетала дамочка.

– Нет. Я вызываю полицию.

Если бы я пришла сюда одна, никаких полицейских я бы, конечно, вызывать не стала, не настолько дура, чтобы связываться с ними. И если бы пришла только с Маринкой, тоже не стала. Позвонила бы Руслану, и это была бы его проблема – и труп, и Маринка. Но вот именно от потенциальной покупательницы я зависеть не хочу. Ни в чем. Ведь если мы сейчас по-тихому свалим из квартиры, мерзавка непременно будет шантажировать меня. И ладно бы только меня. Я никогда не ошибаюсь в людях.

– Нет, давайте просто уйдем отсюда, и все, – лепечет Литовченко.

– Не городите ерунды!

Так или иначе, а труп найдут. И у меня в башке хватает мозгов, чтобы понять: время смерти тоже смогут определить достаточно точно. Следовательно, вопрос о том, кто видел труп с утра, именно в это время, будет сразу закрыт – в нашем журнале есть отметка, кто и когда брал ключи для осмотра квартиры. А я их вчера вечером не сдала, только сегодня утром принесла. Как же это все некстати...

– Полиция, слушаю.

И почему туда набирают теток с такими неприятными голосами? Или это у них профессиональная деформация? По всему видать, от моего сообщения дежурная не в восторге, но это уже ее проблемы. Приказ никуда не идти и ничего не трогать не поверг меня в удивление. А о том, что скажет Руслан, мне и думать не хотелось.

– Саша, это я.

– Идете на задаток?

– Быстрый ты, как понос. Слушай, тут такое дело... не знаю, как и сказать... Короче, ты там с Русланом как-то сам утряси, а я...

– Рита, что случилось?

– Да ничего особенного, только тут, в маленькой комнате, лежит труп.

– Рита, твои шутки иногда бывают...

– Ты что, идиот? Я тебе говорю: в маленькой комнате лежит труп парня, которому перерезали горло. Море крови, паркет испорчен. Маринка без сознания, клиентке я дала по морде, а полиция будет с минуты на минуту.

– Никуда не уходи!

Свежее решение, ага. Как будто я куда-то собиралась. Понятно же, что общения с нашими неподкупными правоохранителями не миновать. В общем, я просто решила покориться судьбе, и будь что будет.

Клиентка стоит у окна и яростно смотрит на меня змеиными глазками. Боги, пресветлые и превсякие, за что мне это? Нет, ну, допустим, есть за что, но неужели мои грехи более тяжкие, чем у других граждан?

В дверь громко забарабанили, потом взвизгнул птичьим голосом дверной звонок. Интересно, кто первый успел на огонек? Наверное, бравые полицейские прибыли выбивать из меня явку с повинной. Или еще из кого-нибудь. Им же все равно, на кого преступление повесить, если не удастся доказать самоубийство. Им лишь бы спихнуть дело и заниматься привычными вещами – лакать водку, пытаться задержанных и трясти граждан на предмет денег и прочего.

Но это пока не полиция. На пороге стоит злющий Руслан. За его спиной поблескивают Сашкины очки, а рядом возвышается Моя Большая Мечта – высокий блондин в короткой дубленке на широких плечах, в дорогих джинсах на узких бедрах... О майн гот! И зачем я стрескала сегодня два эклера с кока-колой? Хотя они уже ничего бы не отняли от меня, даже если бы воздержалась...

– Вечно с тобой какие-то проблемы!

У Руслана такая дурацкая манера – обвинять нас во всем, даже в дурной погоде. При этом он неплохой человек, но немного нервный.

– «Титаник» тоже я потопила, – вылетает в ответ из меня.

Должна же я поддержать игру? А то если сейчас распушу соплю, шеф, чего доброго, решит, будто случилось что-то страшное. Например, мы потеряли деньги. А тут всего-навсего труп в комнате.

Злобно засопев, Руслан ввалился в квартиру, Сашка протопал вслед, а красавчик, скользнув по мне взглядом, нырнул в ванную – мыть руки. От него божественно пахло дорогим парфюмом, а я это в мужчинах очень ценю, так что его рейтинг в моих глазах вырос до небес.

– В маленькой комнате, – напомнила я вдогонку шефу.

Руслан и Сашка заглядывают туда. О боги, Маринка! Я о ней совсем забыла! Мужчины втащили ее в гостиную и принялись приводить в чувство.

Красавчик вышел из ванной и уставился на мою клиентку, как на призрак.

– Что ты здесь делаешь?!

Они знакомы? Интересно...

– А ты как думал? Продаешь квартиру, а я не в курсе?

– Если забыла, напомню: это квартира моих родителей.

– Но я не давала своего согласия на продажу.

– Мне оно и не нужно, Нина. Квартира принадлежала мне задолго до брака, и я имею право поступать с ней, как посчитаю нужным.

– Это правда? – повернулась ко мне клиентка.

Надо же, такое чучело, глиста в обмороке, – замужем за таким мужиком? Рейтинг красавчика упал в моих глазах ниже плинтуса. К ней же щипцами противно прикоснуться, а он спал с ней!

– Да, ваш муж абсолютно прав.

Самые приятные слова из всех, что мне сегодня пришлось сказать. Бледность от злости, залившая лицо змею-ки, оказалась бальзамом для моих нервов. Ах да, я же ей еще и по морде съездила! Но сие воспоминание уже почти не греет. Собственно, с чего я взъелась на Нину Валерьевну? Не знаю. Просто не нравится она мне.

– Все вы здесь – одна банда. Я уверена, это ты убил Виктора.

Виктора? Какого еще Виктора? Или дамочка имеет в виду труп? Значит, Литовченко его узнала? Черт подери, все гораздо хуже, чем я думала.

– Если бы я убивал всех твоих любовников, поголовье мужчин в мире сократилось бы как минимум на треть.

Ничего себе! Бабенка еще и изменяла такому красавцу? Вот дура! Хотя кто знает, может, у него воняет изо рта или член маленький. С мужиком нужно пожить, увидеть его и на толчке, и небритым, и всяким, чтобы с точностью сказать, классный он или так себе. А иногда двое вполне нормальных людей вместе жить просто не могут. Причин никаких вроде бы и нет, а вот не могут, и хоть что делай. Бывает...

– Это все – твоё болезненное воображение! – взвизгнула тощая брюнетка.

– Ага, и парнишка, что тут лежит, не выглядывал из-под одеяла, когда я случайно вернулся из поездки на день раньше. Помнишь, полгода назад? Закончил дела по-быстрому, хотел

сюрприз сделать. Но твой сюрприз оказался гораздо интереснее! Это тоже плод моего воображения был?

– Случайно? Так я тебе и поверила! Ты все спланировал!

Какая пошлость – муж возвращается из командировки, а в шкафу (под кроватью, на балконе, под балконом или еще где-нибудь, нужно подчеркнуть) любовник жены. Видели карикатуры, где мужчина стоит на пороге спальни с чемоданом и ветвистыми рогами? Иногда еще художник ему и шляпу на кончик рога приспособит. Я всегда считала, что у автора элементарно отсутствует фантазия, вот и рисует он такую ерунду, а выходит – все бывает на свете, все!

– Кстати, ты не объяснила, как и зачем оказалась в квартире. Девушка, что моя жена тут делает?

Кажется, красавчик ко мне обращается? Но я ему не продавщица в сигаретном киоске, мог бы быть повежливей!

– Дама пришла к нам в агентство как клиентка, выразила желание посмотреть квартиру. Подписала договор на обслуживание – и вот мы здесь.

– Ясно. Не знаю, что ты еще затеяла, Нина, но пора бы понять: защищать я тебя не буду.

– Нужна мне твоя защита! Ты попробуй себя защитить!

Я и раньше враждебно относилась к институту брака, но сейчас, глядя на эту пару «голубков», еще раз убедилась, что он полностью утратил смысл.

– Рита, а ведь Марина сильно ударилась головой. Почему ты не привела ее в чувство?

Руслан злобно щурится, но мне его эмоции до лампочки.

– Да я вообще про нее забыла. Она тихо так лежала, вот я со всеми этими делами и не вспомнила о ней.

Маринка заплаканная и несчастная. Наверное, девочке еще не приходилось видеть трупы, по крайней мере, в таком самостоятельном, некультурном, так сказать, состоянии. Но все в жизни бывает впервые. Между прочим, если бы я не намотала на ее глупую башку свой теплый шарф, она бы ударилась гораздо сильнее, а так только шишку набила. Но шишка – ерунда, до свадьбы заживет. Интересно, куда наши доблестные полицейские запропали? Потому что супруги, стоя у окна и продолжая выяснять отношения, явно часов не наблюдают и, похоже, скоро примутся друг друга убивать. А в заявке значился только один труп.

– Ну, и где полиция? – Сашка уныло чешет в затылке. – Рита, ты ее вызвала?

– А то. Сразу же.

Мы переглядываемся – никому из нас не хочется общаться с полицией. И вообще, если бы я знала, что противная клиентка – жена собственника квартиры, то сначала позвонила бы Руслану, пусть бы тот решал, что делать. Может, унесли бы куда-нибудь труп, и все дела. А теперь вот имеем немалый геморрой. И потаскают же нас!

В прихожей затопали – в комнату ввалились шестеро мужиков. Нет, пять мужиков и мужиковатого вида тетка. Ну, началось... Сейчас они вымотают нам кишки, да еще хорошо, если на том и останутся. Чувствует моя душа – ждет меня долгий мерзкий день, наполненный неприятностями и разными негативными впечатлениями.

Глава 2

– Значит, вы утверждаете, что труп лежал в комнате, когда вы пришли.

– Нет, он пришел позже и, пораженный моей неземной красотой, потерял сознание.

Мне до колик надоел этот дурацкий разговор ни о чем. Что за тупая манера – задавать одни и те же вопросы на разные лады?

Сначала полицейские рассматривали труп под разными ракурсами. Потом взялись за нас. Никак не хотели понять, с какого перепугу я позвонила в офис и что на их месте преступления делает такая куча народу. Потом принялись расспрашивать. Я отвечала. Да и все остальные отвечали – нас по очереди приглашали на кухню. Наверное, чтобы мы не сговорились. А о чем сговариваться-то? Ну, труп. Я вообще повела себя как сознательная гражданка – сообщила в органы правопорядка о находке. А могла бы согласиться на предложение клиентки, свалить по-тихому, и все.

– Вы считаете, это смешно? – не реагировал на мой юмор собеседник.

Не знаю, кто такой этот мужик, но на вид он кажется разозленным. Прибывшие вообще все словно взбесились, когда стало ясно, что самоубийством тут и не пахнет. И что еще хуже, никого из нас нельзя вот так с ходу признать убийцей, поскольку у каждого есть определенное алиби. В какой-то мере мы все – алиби друг для друга.

– Нет. Но я скажу вам, что именно смешно. Смешно и глупо в сотый раз спрашивать меня об одном и том же. Смешно и по-дурацки держать меня здесь уже семь часов подряд. Я голодна, устала и хочу в туалет – мне срочно нужно поменять прокладку.

Лицо моего мучителя заливают краска. Я знала, что он такотреагирует. Каким бы прожженным негодяем ни был человек, упоминание о женских прокладках всегда выбивает его из равновесия. Уж не знаю почему. Но это работает только с неженатыми, а мой фигурант явно не женат. Только и не спрашивайте, откуда я знаю. Знаю, и все.

– Вас отведут в туалет.

– Я что, под арестом, чтобы меня водили?

– Такие правила.

– Тогда идем.

– Я позову...

– Нет, пошли вместе. С вами я, по крайней мере, уже немного знакома, и такие интимные вещи, как про-кладки...

– Туалет в конце коридора. У вас десять минут.

Я шагаю к двери и надеюсь, что мужик не видит моей ухмылки.

Однако я засиделась в его кабинете. Вся эта комедия мне порядком надоела, а потому мне надо позвонить. Вообще-то у нас отобрали сотовые, но у меня есть еще один, номер которого известен только моему сыну и Натке, но сами они на него никогда не звонят. Это моя экстренная связь. Когда я поняла, что нас собираются затолкать в машину и отвезти в участок для дачи показаний, как было заявлено, то припрятала мобильник, а баба, которая перетряхивала мои вещи, трубку не нашла.

– Натка, это я.

– Рита, куда ты пропала?!

– Не кричи, а слушай...

Натка всегда умела быстро соображать. Она все устроит как надо. Потому что мне уже не вмоготу здесь сидеть, я голодная, как волк... нет, как стая волков, и мне осточертела эта большая история. Мне надо работать и зарабатывать деньги, а не по полициям ходить.

– Ну, вот видите, а вы нервничали!

Мужик в кабинете, когда я возвращаюсь, смотрит на меня так, словно решает – пристрелить свидетельницу сразу, «при попытке к бегству» или «за нападение на сотрудника при исполнении», или просто переломать все кости, а уж потом пристрелить. Лично мне оба варианта не нравятся, а ему явно кажутся привлекательными. Его большие зеленые глаза полны такой ненависти, что она просто по коже ползет. Прямо глаза бешеной собаки. Значит, это злой следователь. А когда придет добрый? Или, может, это как раз и есть добрый, а злой сейчас ворвется в кабинет и сразу выбьет мне все зубы? Здесь можно ожидать чего угодно.

Молчание, однако, затягивается. Мы смотрим друг на друга, и ярость постепенно исчезает из взгляда моего визави. Мужик поднимается, включает чайник, достает две чашки, пакетики с заваркой и сахар в банке из-под кофе. Шелестит пакетом, выкладывает на тарелку несколько огромных бутербродов и объявляет:

– Сейчас будем чай пить.

У него что, приступ сумасшествия? Или решил сменить тактику? Так со мной это без толку.

– Сколько вам сахара?

– Четыре... нет, пять ложек.

Собеседник задумчиво оглядывает меня.

Чего смотришь? Мне о фигуре переживать поздно. Разве можно беспокоиться о том, чего нет? Хотя кое-кто так не считает, но тут уж на любителя.

– Берите бутерброд, угощайтесь. Эти – с сыром и маслом, а вот – с сыром и колбасой. Наверное, порезать надо... сейчас, минутку.

«Угощайтесь» – это когда предлагают крохотные канапе или тартинки, которых и на тарелке не видно. А передо мной основательные, с душой построенные пирамиды – ломти хлеба со шматком колбасы и сыра. Такие предназначены для утоления голода, их надо есть, а не угощаться.

– Спасибо.

Мы размещиваем ложками чай, потом одновременно вгрызаемся в бутерброды.

– Вкусно-то как... Боже, я такая голодная!

– Так и времени много уже. Кушайте.

– Да, времени много.

– Вы должны меня понять. Сообщают об убийстве, мы приезжаем – и застаем на месте преступления целую ярмарку. Зачем вы созвали туда кучу народа?

– Да кто их сзывал? Но вы поставьте себя на мое место. Я же просто обязана была сообщить в офис о том, что случилось. Во-первых, у меня были запланированы встречи, и кто-то должен был их отменить. Во-вторых, после меня в квартиру должны были пойти другие сотрудники со своими клиентами. Представьте ситуацию: люди пришли к нам в агентство, их ведут на объект, а там – разбирательство вокруг трупа. Где гарантия, что ищущие себе жилье люди не оказались бы здесь точно так же, как я? А у фирмы есть репутация, значит, нужно было все сделать по-тихому. Я же не знала, что Руслан заявится со свитой, думала, директор просто отменит осмотры и сообщит о неприятности собственнику квартиры. А еще я могла вообще никому ничего не сообщать. Смылись бы мы с клиенткой оттуда, и доказывайте потом, что мы там были.

– Ну, хорошо, пусть так. Скажите, а вам ничего не показалось подозрительным или странным?

– Да вся эта история странная! Во-первых, я понятия не имела, что Нина Валерьевна – жена собственника квадратных метров. Зачем женщина прикинулась клиенткой, торговалась за проценты? Глупость какая-то. Затем – труп. Откуда он взялся в квартире? Я накануне вечером водила туда молодую пару, все было нормально. А ведь убили парня явно там, где мы его нашли.

– Да? С чего вы взяли?

– Даже такая тупица, как я, заметила брызги крови вокруг и порядочную лужу возле тела. Из артерии всегда бьет фонтаном, так что тот, кто убил, сам был в кровище с ног до головы. Или... Разве что он стоял за спиной жертвы. Но тогда киллер должен быть одного роста с убитым.

– Вы мыслите как эксперт.

Черт, это прокол! Я не должна показаться следователю слишком сообразительной.

– Смотрю «CSI» регулярно, очень познавательно. Кстати, покойник был любовником Нины.

– Откуда вам это известно?

– Да ведь клиентка и мужчина ссорились при нас. Спросите у Руслана, он тоже слышал, как и остальные. Представить не могу, что эта глιστα изменяла такому красавцу!

– Красавцу?

– Конечно. Вы же видели его!

– Видел, но...

– Зависть – плохое чувство. Я сегодня, когда его увидела, подумала, что кипятком опи-саюсь. Какой экземпляр, мама родная! В нем все, о чем может мечтать женщина.

– Вы так считаете?

– Конечно. Разве что у него маленький член, тогда, безусловно, упаковка зряшная.

Собеседник снова краснеет. Для полицейского мужик слишком стыдлив. Но мне пере-хотелось с ним ссориться – я наелась, напилась горячего сладкого чая, и мне уже просто любо-пытно, чем закончится вся эта канитель. Собственно, если ничто не помешает, то я совсем недолго пробуду здесь.

– А вот госпожа Литовченко заявила, что вы были знакомы с ее мужем.

Следователь смотрит на меня с непроницаемым видом. Да только я умею играть в такие игры гораздо лучше – раньше начала.

– Бессовестно врет. Но если Нина так сказала, значит, ей это зачем-то понадобилось. Интересно тогда, зачем. Честно говоря, даже не знаю, как его зовут... Хотя очень хотела бы узнать.

– Вы уверены?

– Такой экземпляр я бы не забыла.

– Но ведь мужчина должен был приходиться к вам в офис для подписания договора на продажу квартиры?

– Непременно. Однако этим занимаются офис-менеджеры, а я не сижу в офисе постое-нно. Меня, как волка, ноги кормят. Не знаю, зачем Литовченко придумала про мое знаком-ство с ее мужем, но на вашем месте я не слишком бы доверяла ее словам. Чего ради она валяла дурака, изображая клиентку? Что-то здесь не так, но я даже не хочу знать, что именно, у меня полно собственных проблем.

– Каких?

Я вздохнула. Тебе-то что за дело? Больно мне нужны душевные разговоры, кто знает, как ты потом вывернешь мои слова. Все вы тут на подобное повадливые.

– Простите, как вас зовут?

– Игорь Васильевич. Я же вам представился.

– Ах, ну да. Просто я забыла. В общем, любезнейший Игорь Васильевич, мои проблемы вас не должны касаться.

– Собственно, я просто так спросил. Еще чаю?

– Нет, спасибо.

– Ладно, захотите – наливайте себе. Скажите, Рита, а убитого вы не узнали?

– Да я к нему и не присматривалась. Но – нет. Точно нет.

– А между тем погибший был известным журналистом на нашем телеканале и известным в городе музыкантом, руководителем рок-группы, его многие знали в лицо. Известный человек и известный ловелас Виктор Борецкий. Знакомое имя?

– Безусловно. Даже я иногда смотрю телевизор. Но мы не были знакомы лично.

– Насколько я понял, ему нравились женщины вашего типа. Вы уверены, что не знали его?

Я опять вздохнула. Вот привязался! Да ему просто нравились женщины, без всякого типа. Конечно, я сейчас врала бессовестно и откровенно, только ведь и правда там, в квартире, не узнала Витьку. И оно, наверное, к лучшему. Потому что в трупе на полу не было ничего от того Виктора, которого я знала, с которым... Собственно, это тоже никого не касается.

– Уверена.

– А Нина Литовченко утверждает, что...

– Послушайте, Игорь Васильевич. Да я и Нину-то увидела сегодня впервые в жизни. С чего она так резво принялась клеветать на меня? Что-то здесь не так.

– Слишком много странностей для одного убийства.

– А мне до всего этого дела нет. Долго вы намерены меня здесь еще держать?

– Зависит от вас.

– Я арестована?

Телефонная трель прерывает нашу вновь разгорающуюся ссору. Если звонит тот, о ком я думаю, то часа не пройдет, как я окажусь в своей квартире. Следователь берет трубку, его высокая плотная фигура нависает над столом.

– Панков слушает.

Когда-то я писала диссертацию по антропонимике – (поясню: антропонимика – это наука о происхождении фамилий) и могла бы ему рассказать о его фамилии... Но, думаю, у него сейчас появятся иные интересы в жизни.

– Да, она здесь. Что?! Хорошо, пусть поднимается.

Мой визави бросает трубку и медленно поворачивается ко мне. Пусть сильнее грянет буря! Глаза у Панкова сердитые, но не бешеные. Мы все-таки вместе пили чай, а стрелять в человека, с которым ты только что поделился бутербродами, как-то невежливо.

– Откуда вам удалось позвонить?

– Хоть это и не ваше дело, все же отвечу: по закону я имею право звонить кому хочу.

– Я спрашиваю, откуда вы позвонили?

Тогда я выуживаю из кармана свой маленький красный телефончик экстренной связи, купленный два года назад. Недавно купила новый, тоже красный, но старый не выбросила, привыкла к нему, как к живому существу, а потому приспособила под номер, известный двоим самым близким мне людям.

– Где вы его взяли?

– Трубка моя.

– Ваша у меня в столе лежит.

– Вы не имели права отбирать у меня телефон. А у меня их два. Один ваша тетка не нашла. Не скажу, куда его спрятала, но она не нашла. И не надо краснеть, речь совсем не о том, от чего вы краснеете.

– Вы не имели права тайком делать звонки.

– А вы в этом уверены?

Конечно, он понимает, что все не так. И прекрасно знает, что именно у полицейских не было никакого права изымать у меня телефон, да и что угодно другое, принадлежащее мне на законных основаниях и не относящееся к расследуемому преступлению. Как не должны были препятствовать мне звонить любому, с кем я сочту нужным связаться. Но, видимо, Панков, как и его коллеги, настолько привык плевать на закон, что даже мысль о том, что нужно следовать

его букве, кажется ему нелепой. Ничего, сейчас моего мучителя ждет еще одно потрясение, от которого он взбесится надолго. Но мне нет никакого дела до его расшатанной нервной системы.

Андрей вошел в кабинет так уверенно, словно привык бывать здесь ежедневно. Он вообще везде чувствует себя как дома. И я готова поспорить на что угодно, а в случае проигрыша проглотить свой сотовый, что максимум через полчаса я выйду из этого кабинета свободная, как птица на ветке. Мой кум Андрей, лучший в области адвокат и по совместительству Наткин муж, – очень тяжелая артиллерия. И хотя со мной еще ничего плохого не произошло, я не стала ждать, пока произойдет, пусть лучше сейчас Андрей расставит приоритеты, чем потом будет исправлять то, что исправить сложно. Так он нам с Наткой всегда и объяснял, когда заходил разговор о наших действиях, если случится нечто... Ну, такое, как сегодня. И я накрепко его слова запомнила.

– Итак, на каком основании вы задерживаете у себя мою клиентку? – сурово произносит первую фразу Андрей.

Профессиональный разговор я слушать не желаю, а думаю о том, что столь странного дня у меня не было уже очень давно. История получилась неправдоподобная, невозможная. Но какой же красавец тот блондин! И как только он мог связаться с тощей клячей Ниной? Хотя кто может знать, как у них там было, чужая семья – дело темное, и часто все не так, как выглядит со стороны.

Зачем мадам Литовченко пришла к нам в агентство под видом клиентки? И если следователь говорит правду, зачем лжет обо мне? Я уверена, что никогда раньше в глаза не видела ни ее саму, ни ее мужа. Что за идиотская история произошла с Витькой? Он явно трахнул кого-то не того, потому что за журналистскую деятельность его никто и пальцем бы не тронул. Парень не любил усложнять себе жизнь, все его интересы лежали совсем в иной плоскости. Больше всего его занимала рок-группа с каким-то дурацким названием, которое никогда не держалось у меня в голове. Витька надеялся стать знаменитым, но с каждым годом надежда таяла, потому что музыканты становились все старше, а престарелые рокеры – это же просто несерьезно. Собственно, их пятеро, и ни у кого нет ни семьи, ни работы. Конечно, какая женщина потерпит, если муж вместо того, чтобы работать и нести все в дом, выносит из дома даже те немногочисленные деньги, что есть, тратя их на потребности никому не интересной рок-группы?

– Рита, мы уходим, – доносится до меня.

Кто бы сомневался. Андрей самого дьявола убедит принять крещение. Я иногда думаю, что надо бы чаще брать его на дачу. Я опрыскиваю деревья от вредителей каким-то ядом, а всего-то и надо, что поставить Андрея посреди сада, и он точно убедит гусениц переползти в соседний двор, потому что их пребывание на моей территории незаконно, вступает в противоречие с действующим законодательством, нарушает мои гражданские права и так далее. Уверена, что гусеницы послушно отправятся в соседний сад, лишь бы с ним не связываться. Андрюха такой, он все может.

– Темная история...

Это Андрей, садясь в машину, итожит мой день. Хм, я тоже так думаю. И что с того? Ладно, проехали.

– Рита, это все очень странно.

– Что именно?

Андрей встревоженно смотрит на меня, и у меня снова портится настроение. Я знаю, когда у него такое лицо, значит, случилось что-то неприятное, и сейчас это что-то случилось у меня. Но, собственно, что? Подумаешь, кто-то убил Витьку... Да, я черствая, бессердечная сука. А вы думали, что в сказку попали?

– Да все! Скажи, ты точно не знала раньше Литовченко?

– Андрюшка, я тебе клянусь, сегодня утром увидела ее впервые в жизни.

– Тогда зачем тетка принялась врать о тебе? Да еще так ретиво! Она же тебя подставляет своими показаниями, понимаешь? Сказала, что ты была знакома с ее мужем. И с убитым тоже. Не просто знакома, а близко знакома.

– А если бы даже была, что это меняет?

– Может, все, а может, и ничего. Но ты должна знать: если в показаниях появляются такие вот разночтения, то полицейские сразу принимаются копать. Ты пойми одно, лейтенанта Коломбо среди них нет, особо разбираться никто не станет. Поймают на лжи и навешают всех собак, попробуй тогда отмыться. Им лишь бы дело закрыть, а кто виновен, как все было на самом деле, неинтересно. Так ты знала кого-то из них?

– Ладно, признаюсь. Да, я знала Витьку. В смысле, убитого. Нет, не перебивай меня! Я там ничего, кроме крови, вообще не увидела. Ты только представь: заходим в комнату, притом что я была в ней накануне вечером, и видим – кровь на стенах, потолке, паркете, а в красной луже на полу тело. Я его не рассматривала, сразу поняла, что передо мной труп, и все. То есть Витьку просто не узнала.

– А почему так и не сказала Панкову об этом?

– А зачем? Я не имею к этой истории никакого отношения. И в дальнейшем не хочу иметь.

– Если раскопают, что вы были знакомы, непременно решат – ты что-то скрываешь. Неприятности как минимум я тебе гарантирую.

– Да как узнают-то? Наш роман случился шестнадцать лет назад, после мы практически не виделись, только иногда, случайно. При встрече здоровались, и все. У меня ни малейшего представления о том, как и чем Витька жил все эти годы. Да мне и неинтересно, своих проблем хватает.

– Ты всегда так говоришь.

– Потому что это правда. Андрюш, я понимаю, что побеспокоила тебя, но...

– Брось, я не о том! – У Андрея даже кончик носа побелел. – Подумай своей дубовой башкой, история-то нешуточная. Ты была в квартире, знала убитого и скрыла это от следствия. Понимаешь, как все выглядит?

– Да ладно тебе! Не я же убила Витьку.

– Я понимаю, что не ты. – Андрей тяжело вздохнул. – Нет, я ничуть не сомневаюсь в твоих способностях, ты в состоянии убить любого, если решишь, что у тебя есть на то уважительная причина. Но вот *именно так* ты никого убить не смогла бы.

– Андрюш, ты что говоришь-то?!

– Помолчи. Сколько лет мы знакомы, семнадцать, больше? За это время я хорошо изучил тебя, не сомневайся. Кума, ты прекрасная женщина, и я искренне люблю тебя. Но я реалист и знаю: ты способна на любой безжалостный, с точки зрения обычного человека, поступок, если решишь, что именно это тебе нужно. Есть одна ремарка: ты способна на что угодно по отношению к людям, которые тебе безразличны. Мы с Натальей, к счастью, в сей обширный список не входим. Не нужно возмущаться, я просто констатирую факт, который ничего не менял и не изменит в моем отношении к тебе. И в этом деле ты должна полностью мне довериться.

– Я доверяю тебе. Но есть еще кое-что. Честно сказать, не знаю, смогу ли я в случае чего оплатить твое время, знаешь ведь...

Андрей резко сворачивает на обочину, глушит двигатель и с яростью смотрит на меня.

– Рита, ты сама себя слышишь? Мы с тобой близко дружим почти два десятка лет, ты крестила моего сына, давно уже стала членом семьи. И сейчас смеешь говорить, что собираешься мне платить? Видимо, у тебя все-таки стресс, иначе я должен бы обидеться.

– Ну, Андрюша...

– Не ной! Головой надо думать, прежде чем языком болтать! Значит, так. Если тебя вызовут повесткой, без меня в сторону полиции даже шагу не делаешь. Рот на замок, ни с кем

ничего не обсуждаешь, на работе языком не треплешь. А если кто-то из полиции подкатится, типа, с неофициальным разговором, просто помни: у них не бывает неофициальных разговоров, любые твои слова используют против тебя, если решат, что смогут это дело повесить на тебя. Ты меня поняла?

– Да.

– Теперь вот еще что. Знаю, ты неохотно выпускаешь чужих к себе в дом, но будем осторожны. Сегодня же, прямо сразу по приходе домой, устрой генеральную уборку.

– ???

– Не надо делать такие глаза. Мне пока не ясно, что происходит, но Литовченко слишком быстро принялась тебя подставлять. Что это, бред злобной бабы или попытка подвести тебя под монастырь? Короче, сейчас ты переберешь дома все до нитки, прощупаешь все подушки, заглянешь в мышинные норы – ищешь то, что тебе не принадлежит. А теперь едем в офис, просмотрим ящики твоего стола. У тебя там вечно бардак, кто-то мог этим воспользоваться.

– Но зачем? Кому я могла понадобиться?

– Вопрос риторический. А в том смысле, с которым ты его задала, могу ответить: не знаю. Но вся эта история выглядит более чем странно, и я не хочу, чтобы она стала по-настоящему взрывоопасной, так что береженого бог бережет.

Как-то неуютно мне стало от слов Андрея. Да, у меня в доме практически не бывает посторонних. Ну, инспектора, проверяющего счетчики, не считаем. С другой стороны, Нина Литовченко стала моей клиенткой случайно – я была в тот момент более-менее свободна. В ином случае на моем месте мог оказаться любой другой сотрудник агентства. Разве что тетка сговорила с офис-менеджером Сашкой, но эту версию пока отбросим как невероятную. Нет, зря Андрей нагнетает.

Я открываю офис, снимаю его с сигнализации, и мы с Андреем входим. Уже темно, ролеты опущены. Закрыв дверь, зажигаем свет и проходим в рабочую комнату. Здесь у каждого стола – два хозяина, свой я делю с Ликой Беловой.

– Мой – верхний ящик.

– Даже не заперт!

– Там же нет ничего ценного, зачем его запирать?

Андрей прав, в моем ящике всегда хаос, потому что я всегда спешу. Вынимаю ящик и высыпаю содержимое на стол. Файлы, договора, ручки, маркер, сломанный степлер, окаменевший шоколадный батончик, лак для ногтей, пилочка, помада, щетка для волос, несколько заколок. Вот эту, украшенную синими камешками, я уже мысленно похоронила, а она, оказывается, вон где.

– Ой, а вот это не мое...

Небольшой альбомчик, из тех копеечных, которые продаются в каждом киоске, весь оклеен красными сердечками.

– Уже вижу, что не твое. – Андрей перехватывает мою руку. – Не трогай, не оставляй отпечатков. Уверен, что не твое, ты бы скорее пальцы себе отгрызла, чем стала клеить подобную пошлятину. С тобой такой альбомчик в принципе несовместим. А тут кто-то поработал с душой, но совершенно не зная тебя.

– Андрюша, что все это значит?!

– Не надо кричать. Дай-ка мне пилочку.

Андрей осторожно открывает альбом пилочкой, переворачивает страницы. Я в оцепенении пялюсь на фотографии. На них я и Витька, причем снимки не старые, а совсем новые, судя по датам, им года нет. Ничего себе! Я уже очень давно не встречала его, а тут мы сидим, обнявшись, а здесь вообще...

– И как ты это объяснишь? – пристально смотрит на меня Андрей.

– Не знаю. Никак. Клянусь тебе, я не то что не спала с Витькой последние пятнадцать лет, но даже не прикасалась к нему при встречах. Видела раз в полгода, а то и реже. Здоровались, перекидывались парой фраз и расходились. Один раз, правда, пива попили, полчаса посидели, наверное. А тут... Это все неправда!

– Перестань истерить, я тебе верю. И так знаю, что на снимках не ты.

– Но...

– Рита, ты, если бы не была сейчас так испугана, тоже заметила бы то, на что обратил внимание я. И полиция обратит, не беспокойся. Голова здесь твоя, а тело – нет. Форма рук, груди... Не забывай, я видел тебя в купальнике, и мне ясно, тело тут другое. И родинки на плече у тебя нет. А о том, что у тебя есть татуировка, которую ты себе года три назад набила, знает только человек, видевший тебя раздетой. Я видел, потому что мы с Наткой бываем у тебя на даче, в единственном месте, где ты разгуливаешь в купальнике, а тот, кто сляпал данный шедевр, нет, поэтому о татушке не в курсе.

– И что теперь?

– Ничего. Я заберу альбом с собой, все равно фотографии тебе ни к чему, зря только нервы истреплешь, рассматривая. Снимем отпечатки, получим заключение о фотошопе, посмотрим, что еще вылезет. Где-то же эту липу сострипали, мог остаться след. Больше ничего чужого?

– Нет.

– Едем к тебе домой. Позвоню Наталье, пусть тоже подтягивается, вместе скорее управимся.

Мы мчимся по улицам, а у меня от ужаса холодно и пусто в животе, в груди же поднимается тупая боль. Кому понадобилось меня подставлять? Зачем подбрасывать мне Витьку в чужой квартире и мерзкий альбомчик в стол? Я, конечно, не ангел, но живу сама по себе, никого не трогаю, никому ничего не задолжала, не... Собственно, причина может быть какая угодно, потому что тот, кто все это сделал, – больной на голову сукин сын.

Натка уже дожидается около двери моей квартиры. Я открываю замки, мы гурьбой вваливаемся в прихожую, зажигаем свет. Что-то настораживает меня, какой-то посторонний запах, ощущение чужого присутствия, точно не знаю. Но это «что-то» зависло в воздухе. Мы снимаем обувь, и Натка с Андреем привычно направляются в гостиную, а у меня, как на грех, заело змейку в правом сапоге.

Наткин короткий крик совпал с моей победой над молнией. Риелторы ничего не боятся, поэтому я просто застываю на месте, видя, что на полу моей гостиной, на новехоньком ковре, лежит наш офис-менеджер Сашка – кто-то разрезал ему горло от уха до уха. Нож валяется тут же. Ковер безнадежно испорчен, а я отдала за него полштуки американских денег, и прямо сейчас они с тоскливым свистом полетели псу под хвост. Вот блин!

Глава 3

Натка прижала к щекам ладошки и в ужасе смотрит на труп. Мы с Андреем переглядываемся. У меня возникает соблазн завернуть труп в ковер и вывезти куда-нибудь с глаз долой. Но Андрей, наверное, не согласится. Он ощупывает тело.

– Еще совсем теплый... А нож, кстати, из твоей кухни, и, думаю, на нем только твои отпечатки. Если я ничего не путаю, сейчас здесь появится полиция.

– Что же делать?

– У вас с Натальей есть минут десять, чтобы бегло осмотреть квартиру на предмет наркотиков и прочих посторонних вещей. Все найденное немедленно спускайте в канализацию. Натка, солнышко, у нас мало времени, потом будешь ужасаться, помоги Рите. А мне надо позвонить.

– Конечно. – Натка уже пришла в себя. Она крепкий орешек, моя Натка. – Рита, я в спальню, ты в кабинет. Андрюша, осмотри гостиную и детскую.

Я бросаюсь в кабинет.

Так, ящики стола... Порядка здесь намного больше, чем на работе. Письма, квитанции, документы на квартиру – ничего подозрительного. Под подушками дивана тоже ничего, под ковром какая-то бумажка, выброшу в унитаз. В книжном шкафу слишком много книг, чтобы понять, есть ли среди них что-то не мое. Кладовка с банками варенья и маринованных овощей – вроде бы, на беглый взгляд, все нормально, хотя, конечно, может быть что угодно. Но осматривать тщательно нет времени. В кухне есть коробочка с лекарствами, и мне нужно выпить таблетку, потому что в груди тяжело ворочается боль. Вода в стакане дрожит... Или это рука дрожит? Не кисни, Рита, некогда!

Вот таблетки от головной боли, от насморка, от сердца, еще какие-то – знакомые, значит, мои. А это... Нет, розовые пилюли в пакетике, перемотанном резинкой, не мои. Ссыпаю их в унитаз, спускаю воду. А в дверь уже звонят. О боги, шкафчик в ванной!

Я заскакиваю в ванную и открываю дверцу. Лаки, пакетик тампонов, кремы, баночка с морской солью, и снова незнакомая вещь, мешочек на этот раз, с каким-то порошком. Кто-то топает по квартире, я открываю кран и произвожу характерные звуки, типа, вырвало меня от ужаса. Порошок отлично уходит вместе с водой. Стиральная машинка пуста. Все. Если есть что-то еще, так тому и быть.

– Рита, ты там как?

Это Андрей. Мой кум дорогой, умник!

– Нормально. Ты полицию вызвал?

– Они уже здесь, выходи.

Я плеснула себе в лицо водой и, вытираясь полотенцем, открыла дверь. Первый, кого вижу, – Игорь Васильевич собственной персоной. Стоит, с подозрением глядит на меня. Нет, я Сашку не убивала. Я ни за что не стала бы его убивать на своем новом ковре, это глупо.

– Даже не знаю, что сказать, Рита, – усмехается Панков. – Но ваш ангел-хранитель отлично знает свою работу.

– А по-моему, он сегодня запил.

Мы смотрим друг на друга, и я чувствую, как между нами возникает... нет, не симпатия – понимание. Следователь знает, что мы успели здесь пошуршать, но также знает: все то, что мы нашли и утилизировали, не мое.

– Кто-то вас очень не любит, – слышу я его следующую фразу. – Не в курсе, кто бы это мог быть?

– Даже представить не могу.

Мы снова смотрим друг на друга, но наши «гляделки» пропадают зря – у меня нет ответов на его вопросы, а он не хочет их искать. Такая вот ситуация. И что нам с ней делать?

– Знаете, как все должно было выглядеть?

– В общих чертах.

– Нет, сомневаюсь, Рита. Тут все было продумано для получения совершенно конкретного результата. Рассчитано до мелочей. Поступил звонок, якобы от вашего соседа, который сказал, что из вашей квартиры слышны крики. Ваша фамилия уже имелась в базе, мы выехали незамедлительно. И должны были застать вас рядом с еще теплым трупом и с орудием убийства в руках. На ноже, я уверен, только ваши отпечатки. И так бы оно и было, Рита. На вас пытались повесить два убийства, хотя и одного достаточно. Но! Момент смерти первой жертвы совпадает со временем внеплановой оперативки в офисе. Накануне вы не сдали ключи – осмотр был вечером, вы поленились вернуться в агентство с ключами и отдали их утром, то есть теоретически могли прийти на ту квартиру и убить Борецкого. Однако ваш шеф созвал срочную оперативку, и вы на ней присутствовали, что свидетели подтверждают. Второе убийство, в вашей собственной квартире, уж точно должно было выглядеть как дело ваших рук. Ведь если бы мы получили ордер на обыск да нашли то, что вам здесь подбросили, а вы бы не успели найти... Ну, сами понимаете. По чистой случайности вы пришли в квартиру раньше нас, к тому же с известнейшим адвокатом и его женой. Вот этого предвидеть не мог никто.

– Да, правда, случайно получилось. И что теперь делать?

– Не знаю. Давайте вместе подумаем. У кого есть ключи от вашей квартиры?

– Ни у кого.

– У нас есть. – Натка уже совершенно успокоилась. – На всякий случай лежат. Но я не поднималась сюда и не убивала Сашу.

– Вы знали убитого?

– Андрей когда-то работал вместе с ним, так что – да, знала.

– Так. У кого еще были ключи? Вспоминайте, Рита, вспоминайте!

– Да ни у кого, тут и вспоминать нечего! Я не раздаю кому ни попадя ключи от своей квартиры.

Игорь Васильевич нахмурился еще больше.

– И тем не менее замок, как видите, не был взломан, его открыли ключом. Мог ли кто-нибудь завладеть незаметно вашей связкой и сделать дубликаты?

– В принципе, да. Я часто оставляю сумку в офисе, а сама выхожу, иногда надолго. У нас никогда не случалось краж, так что мы спокойно оставляем сумки, кошельки, документы. Теоретически любой мог взять ключи, но я уверена, никто из наших сотрудников этого не делал. Не те люди, понимаете? Да и причины нет. Я ни с кем не ссорилась, не отбивала чужих клиентов, не...

– Причина может быть настолько невероятной, что никому из нас и в голову не придет. Но причина есть, не сомневайтесь. Вам сейчас придется поехать в прокуратуру для дачи показаний.

Андрей отодвинул меня в сторону.

– Сегодня моя клиентка устала, плохо себя чувствует, да и время позднее. Назначьте время, и мы приедем завтра.

– Вам совсем не обязательно ехать с ней, Риту ни в чем не обвиняют.

– Нет, вы же сами в курсе, что все может повернуться как угодно плохо. Я уверен, что она невиновна, потому что хорошо знаю ее, а у вас не может быть такой уверенности. И нам не известно, какие еще паленые «доказательства» вынырнут в этой истории.

– Хорошо. – Было видно, Игорь Васильевич тоже заметно устал. – Сейчас приедет следователь прокуратуры, поговорит с вами и назначит время официального допроса.

Андрей подталкивает меня к кабинету. Видимо, дело обстоит не так плохо, как казалось. Но в одном мужчины правы: кто-то всерьез принялся за меня, так что ждать можно любой подлянки.

– Что будем делать с фотографиями? – шепчу я Андрею. Тот предостерегающе хмурится. – Но...

– Молчи пока, я еще не решил, как лучше поступить.

Я хочу залезть в ванну и полежать в ароматной пене, а потом спать, спать, потому что день был долгий... и он еще не закончился. По моей чистенькой квартире шарятся чужие мужики, испорчен мой новый серо-голубой ковер... Как будто нельзя было, раз уж такая нужда возникла, зарезать Сашку в ванной или в прихожей! Теперь придется ковер выбросить. Еще и Андрей с Наткой, уставшие после работы, вынуждены оставаться здесь. А что мне завтра скажет Руслан, боюсь даже представить. Это помимо того факта, что у меня вдруг объявился неведомый враг. Причем не вчера и не позавчера. Потому что фотографии в альбоме, который мы нашли с Андреем в ящике моего офисного стола, сделаны не за день-два. Кто-то следил за мной долго, настойчиво и старательно. И у него есть ключи от моей квартиры. От последней мысли у меня все внутри холодеет.

– Рита, нужно немедленно поменять замки и поставить сигнализацию. – Андрей сосредоточенно перебирает бумаги в своем портфеле. – Я отменю завтра несколько назначенных встреч, там нет ничего срочного. Мы с тобой съездим в прокуратуру, и ты дашь показания, вот это ждать не может. Но имей в виду, если сами не позаботимся о расследовании, полиция особо искать и разбираться не будет. Возьмут какого-нибудь бомжа, выбьют из него явку с повинной, и все. Только тебе чужое липовое признание не поможет, нам нужен именно тот, кто устроил тебе аттракционы с убийствами. У меня есть хороший друг, частный детектив, и завтра надо...

– Не надо, – твердо произносит, входя в комнату, неизвестный мне мужчина.

Если я и ненавижу полицию, то отчасти из-за таких вот типов. Даже странноватый Игорь Васильевич Панков мне более-менее понятен: грязная, причем за копейки, работа, связанная с разной мразью, с отщепенцами, вот он и скорбен иногда главою, нервы ни к черту. Но если смотреть глубже, следовательно, похоже, совсем не плохой человек, по крайней мере, что-то человеческое в нем еще осталось. А этот! Высокий, самоуверенный, с презрительно-снисходительной миной на откормленной роже, в дорогом костюме, в бешено дорогих туфлях, с часами на руке, которые стоят как годовой бюджет развивающейся страны. Я понимаю в таких вещах достаточно, чтоб оценить кажущуюся простоту прикида. И возникает вопрос: ну вот откуда у тебя, соколик, такие деньги?

Ужасно длинный сегодня день...

– Не нужно никаких частных детективов, – повторяет вошедший. – Это дело полиции, никто вам не позволит вмешиваться в следствие. И вообще, господин Коломийцев, вам нечего здесь делать.

– Ну, это уже не вам решать. – Андрей поднимается навстречу, загораживая меня. – Вы прекрасно знаете, господин Гайдей, что моя клиентка имеет право на присутст-вие адвоката. Так что давайте не будем перетягивать канат, а сразу примемся за дело, весьма неприятное и темное, как вы и сами видите.

Мужчины яростно пронзают друг друга взглядами, но я в любом случае ставлю на Андрея. Хотя супруг Натки на первый взгляд не кажется слишком грозным – сложно производить впечатление, если ты ростом метр шестьдесят пять сантиметров. Но в данном случае внешность обманчива, как обманчива, например, милая внешность ядовитой тропической бабочки. Когда надо, Андрей поставит на место любого наглеца, он умный и твердый, как кремь, а его репутация несокрушима, как Монблан. Так что пижон в дорогом костюме первым отводит глаза, потому что отлично знает: в плоскости закона с адвокатом Коломийцевым лучше не вступать в антагонизм.

– Ладно, – роняет он. (Я знала, что Андрей победит, знала!)

Неприятный тип садится в кресло и смотрит на меня так, словно я – пятно на его костюме, только что им замеченное.

– Я – старший следователь прокуратуры Гайдей Юрий Владимирович. Вы сейчас расскажете мне по порядку обо всем, что с вами сегодня произошло. А завтра мы встретимся в прокуратуре, и вы дадите официальные показания.

У меня паранойя или тон его насмешлив? Потом разберусь.

– Опять рассказывать? Я безумно устала. Меня семь часов продержали в полиции, где я повторила все, что знала, много раз. А то, что случилось здесь, уместится в одно предложение: пришла со своими друзьями домой, а тут – это. Все!

– И вы не знаете, кто мог такое совершить в вашей квартире?

– Абсолютно.

– Кто еще живет с вами?

– Мой сын. Ему одиннадцать лет, сейчас он гостит у моих родителей в Суходольске, в школе карантин. Больше никто здесь не живет, и ключей ни у кого нет. По крайней мере, насколько мне известно. Потому что когда я найду скотину, испортившую мой новый ковер, у кого-то будет битая морда.

– Конструктивно, – усмехается наглый тип. (Если он еще раз так ухмыльнется, я ему устрою...) – Рита Витальевна, я читал ваши показания по поводу инцидента в пустой квартире на улице Победы. Читал также показания остальных участников событий. И странная картина получается: ваша клиентка госпожа Литовченко сказала, что вы сразу отнеслись к ней враждебно, а еще отметила, что ваше знакомство с убитым Виктором Борецким и ее мужем было давним и близким. Что вы на это скажете?

– Скажу, что госпожа Литовченко зачем-то лжет. А касаясь враждебного отношения... Знаете, я всегда враждебно отношусь к людям, пытающимся кинуть меня с комиссионными. А именно такой спектакль упомянутая мадам нам и устроила. Что же касается ее мужа, то я даже не знаю, как его зовут, и до сегодняшнего дня никогда не видела. Как и саму госпожу Литовченко, кстати.

– А у нас есть и другая информация. Вот, посмотрите.

Следователь прокуратуры открывает папку и достает фотографии. Я даже не удивлена. Точно такие же лежат в портфеле Андрея, в дурацком альбомчике с сердечками. Однако на этих я не только с Витькой, но и с блондином. Надо же! Да я бы не отказалась, честно. Хотя теперь было бы глупо.

– Здесь не я.

– Вот как? Значит, у вас есть двойник?

– Слишком вы быстрый! Где вы взяли эту гадость?

– Неважно.

– Ну да, конечно, неважно... Неплохая подделка на первый взгляд, правда?

– Подлинность установит экспертиза.

– Не нужно никакой экспертизы! Видите даты на снимках? Их устанавливает фотоаппарат. Если верить им, кадры сделаны на протяжении года. А сейчас посмотрите сюда.

– Что вы делаете?!

– Ничего особенного. Расстегиваю молнию на блузке и оголяю плечо. Там распустила крылья тропическая бабочка. Мастер, который набивал тату, учился в Японии, я выложила за рисунок бешеные деньги. Однако он того стоит! Краски яркие, бабочка совсем как живая. И такой останется навсегда.

– Красивая картинка.

– Мне тоже нравится. Татуировка у меня три года, но на фотографиях ее нет. То есть тот, кто состряпал липу, лажанулся. А вы небось обрадовались, что нашли претендента на должность главного злодея?

Следователь долго смотрит на меня, и взгляд у него примерно такой же дружеский, как у гремучей змеи. Только мне от этого ни холодно ни жарко. Не надо было хвататься за первую попавшуюся наживку, не проверив! Тебе ведь должно было показаться подозрительным, что есть один труп, следом появляется второй, а потенциальную убийцу кто-то полиции прямо на блюдечке преподносит. Тебе так хочется спихнуть с себя это дело, что ты чему угодно поверишь. Или сделаешь вид, что поверил. Но сейчас ты уже не так уверен, что присяжные тоже сделают вид.

Гайдей молча встает, собирает фотографии, прячет их в папку и снова смотрит на меня. Да хоть дырку во мне глазами протри, я не боюсь!

– Завтра в десять часов жду вас в прокуратуре. Не опаздывайте.

Я и не собираюсь опаздывать. Даже если бы захотела, не опоздаю – Андрей не позволит. Вот кто любит свою работу, так точно Наткин муж! Он во всем этом чувствует себя как рыба в воде, все эти хитросплетения раззадоривают его, я вижу, что Андрюша уже сделал стойку, как хорошая охотничья собака, почуявшая дичь. И если бы можно было снимать скальпы с поверженных врагов, у него в квартире стояли бы мешки, заполненные ими. В три ряда.

Натка, до сих пор сидевшая молча, тоже поднимается.

– Я пойду домой. Дети там одни...

– Конечно. – Андрей подает ей шубку. – Придешь – позвони, что дошла.

– Не стоит беспокоиться. – Панков, пришедший вместе с Гайдеем и вмешивающийся в разговор, отрывается от писанины. – Пошлю с вашей женой человека, доведет до самой квартиры.

– Спасибо. А то темнеет рано... – Андрей немного расслабился. – И уж больно дело гнилое, Игорь Васильевич.

– Да, темное дело. Много странного, нестыковок...

Я выхожу в гостиную. Труп уже унесли, но пятно на ковре большое. А еще там, где лежало тело, как водится, обвели контур. Короче, коврику труба. А на моем диване сидят два здоровенных молодых парня, и штаны у них на вид не слишком чистые. Нужно будет вызывать чистку.

– Хозяйка, подпишите вот здесь...

Андрей, словно материализовавшись из воздуха, отстраняет меня и берет бумагу. Долго вчитывается, потом снова кладет на стол.

– Изъятие материальных ценностей? С какой стати?

– Каких материальных ценностей?!

Я хватаю листок и читаю. Ну, ладно, они хотят забрать ковер. Не страшно, я мысленно уже простилась с ним. Но в комнате были найдены деньги, а это моя записка, которую я прятала сама от себя.

– Ковер берите, деньги не дам!

– На месте преступления...

– На месте преступления имеются также диван, мебельная стенка и телевизор. Тоже будете изымать? – Андрей иронически улыбается. – Люстру еще снимите, занавески. Господа, не надо делать вид, что вы ничего не понимаете. Где были найдены деньги?

– В серванте, в супнице.

– Рита?

– Моя записка. Собиралась делать ремонт. Две тысячи шестьсот долларов.

– Почему в акте об изъятии указана сумма в тысячу долларов?

У меня внутри все холодеет. Как тысяча? А остальное где? Собирала деньги на протяжении года, и только я и бог знаем, как тяжело мне было их заработать, а еще тяжелее не потра-

тять. И сколько раз я сама себя била по рукам, когда хотелось взять оттуда хоть сотню и купить себе... неважно что, желаний у меня хватает. А теперь мне говорят, что там только штука!

– Рита?

– В сумке лежала та сумма, которую я озвучила. Куда подевалось остальное, не знаю. Но, возможно, знает наша доблестная полиция?

Парни переглянулись и как по команде сделали грозные лица. Но они не знают, что, когда речь идет о моих материальных ценностях, я не боюсь ни бога, ни черта. А уж пара воришек с полицейскими бляхами меня точно не испугают.

– Может, деньги взял тот, кто побывал в квартире. – Тот, что выше, глумливо ухмыляется. – Может, ты сама их куда-то подевала, может, твои гости взяли. Когда ты их видела в последний раз?

Мы уже на «ты»? Забавно, как сближают людей украденные деньги.

– Вчера вечером. Добавила сотню и пересчитала.

Андрей сжимает мою руку, и я умолкаю. Знаю, что это полицейские взяли деньги, и Андрей тоже знает, и они знают, что мы знаем, но мерзавцы так уверены в своей безнаказанности, что даже не скрывают насмешки. Мне от бессилия хочется плакать.

– У вас не было ордера на обыск. – Андрей наконец разозлился. – Вы не имели права изымать ничего, кроме ковра, на котором лежал труп. А недостающая сумма...

– Что здесь происходит?

Я, видимо, никогда не избавлюсь от Игоря Васильевича. Похоже, ему нравится общение со мной. Мазохист!

– Да вот гражданка устроила истерику...

История незатейливая и простая, как ножка стула. Игорь Васильевич смотрит на нас, и я прямо вижу, как работают его мозги. С одной стороны, Панков не хочет подставлять коллег, потому что все они – члены одной корпорации, так сказать. С другой стороны, ему не хочется связываться с Андреем, потому что известный адвокат их всех прижмет к ногтю. А еще ему стыдно. Заметив это, я ужасно удивляюсь.

– Какие еще ценности имелись в квартире?

– Несколько украшений – кольца, серьги, цепочки, медальон.

– Где они?

– Были в спальне, а где сейчас...

– Проверьте.

Я иду в спальню, открываю шкатулку и теряю дар речи. Моих украшений нет! Их было немного, но серьги с рубинами подарила мне мама, а медальон – человек, дороже которого у меня никого в жизни не было. А теперь они исчезли.

– Ничего нет.

Игорь Васильевич яростно смотрит на меня, потом переводит взгляд на своих подчиненных.

– Да врет она все, ничего у нее не было! Как докажет? Может, их взял тот, кто здесь побывал!

Панков молча продолжает смотреть на парней, и те умолкают, даже как бы сжимаются под его взглядом. Надо же, такие молодые, а уже испорченные безнаказанностью. Явно уверены, что никто не заставит их ответить за сделанное. Я и раньше знала о подобных вещах, но одно дело – просто знать, а другое – испытать на себе. Особенно в такой момент, как сейчас, когда невеста откуда беда на голову свалилась, как кирпич с крыши.

– Рита, Андрей Анатольевич, вы можете подождать в другой комнате?

– Но...

– Безусловно. – Андрей разворачивает меня, пытающуюся что-то сказать, к двери и слегка подталкивает в спину. – Надеюсь, все выяснится.

- Выяснится еще как! Рита, перечислите драгоценности, находившиеся в шкатулке.
- Кольцо с топазом, серьги и кольцо с рубинами, серьги с аметистами, два кольца с аметистами, кольцо с цирконами, старинный медальон с бриллиантами и цветком на крышке, браслет с жемчугом, две цепочки и крестик с бриллиантами. Все могу нарисовать.
- Не надо. Подождите меня, пожалуйста, в другой комнате.
- Андрей берет меня за руку и решительно ведет к выходу. Собственно, мне уже все равно. Я так расстроена и разбита, что, упави сейчас всем нам на головы метеорит, даже не удивилась бы.
- Не паникуй, Рита, уверен, все сейчас найдется и вернется к тебе. – Андрей усаживает меня на диван и садится сам. – Тебе надо выпить. Есть что-нибудь?
- Ты же знаешь, что я не пью.
- В медицинских целях. Где-то был коньяк, который я не допил в прошлый раз.
- В гостиной, в баре. Туда никак...
- Ладно, но потом обязательно выпей.
- Ага, сейчас. Да меня мутит от одного запаха спиртного, не то чтоб еще и пить эту дрянь.
- Андрюша...
- Не надо мелодрамы. Зачем еще нужны друзья?
- Зачем? Они просто нужны, потому что со временем становятся даже не друзьями, а семьей. Я крестила их с Наткой младшего сына, который сейчас превратился в маленькое чудовище, не дающее никому минуты отдыха. А еще помню, как родилась у них старшая, которая всегда была хорошей девочкой, и сейчас такая. И... Да многое! У меня с Коломийцевыми связано столько воспоминаний, самых разных! Я знаю их семью, а они отлично осведомлены, что я за цаца, но принимают меня такой, какая я есть. Друзья просто нужны, ни за чем. Мне жаль людей, у которых их нет.
- Не принимай так близко к сердцу, это у нас обычные вещи. – Андрей принимается ходить по комнате. – Пока суета, то да се, менты под шумок собирают материальные ценности, а потом пойдн докажи, что именно они взяли. Я не раз подобное видел.
- И что?
- А ничего. В твоем случае, надеюсь, все разрешится прямо сейчас. Парни молодые, неопытные, нашли деньги – и нет чтобы молча в карман сунуть, громко сообщили о находке. Им велели внести их в протокол. Они и внесли, но не всю сумму. Хорошо еще, если окажется, что драгоценности взяли тоже эти двое, иначе можешь с украшениями попрощаться.
- Да, на сей раз все разрешилось на месте. – Игорь Васильевич, наверное, подслушивал. – Вот, возьмите. Проверьте, все ли вещи в наличии.
- Следователь заметно устал. И щетина отросла. Видимо, семьи у него нет, потому что пуговица на куртке болтается на одной ниточке. А те бутерброды, что мы с ним ели, явно готовил он сам.
- Панков выложил на стол деньги и горку украшений. Я поднимаю на него взгляд, наши глаза встречаются... Как же ему стыдно! По-настоящему!
- Чертовы кретины! – Игорь Васильевич резко разворачивается и подходит к окну. – Темно уже совсем... Рита, я могу быть уверен, что инцидент исчерпан?
- То есть не буду ли я жаловаться? Нет, потому что не вижу смысла.
- Собственно...
- Я благодарна вам за заботу.
- Не за что. Но мои подчиненные украли ваше имущество. Я с этим разберусь, а вы...
- А я завтра должна ровно в десять быть в прокуратуре. Сейчас уже вечер, я голодная, устала, мне надо в ванную. И еще у кого-то есть ключи от моей квартиры.
- Переночуешь у нас. – Андрей тоже спешит домой. – Устроим тебя в гостиной на диване.
- Нет уж. Спасибо, кум, но я останусь у себя дома.

– Рита, у кого-то по-прежнему находятся ключи от твоих замков!

– Я люблю спать дома. И сегодня как никогда хочу остаться в своей кровати.

Да, я не терплю ночевки в чужих квартирах. Там все не так: иначе пахнет, другие звуки, белье, мыло, рядом люди... И даже если никого, все равно. Мне проще остаться у себя, хоть и опасно, чем ехать куда-то на ночь глядя.

– Я думаю, это не проблема. – Игорь Васильевич поворачивается к нам от окна. – Я могу переночевать в вашей квартире – вот хоть здесь, на диване. Так, на всякий случай.

Его идея показалась мне настолько дикой, что я не знала, что и сказать. Но, с другой стороны, если представить себе: вот сейчас все уйдут, и я останусь в квартире одна, а в гостиной нужно будет отмывать кровь, при этом убийца может снова появиться в квартире... Собственно, ничего плохого не случится, если Панков переночует на диване. Вполне приемлемо.

– Отличная мысль! – Андрей щелкает замком портфеля и тянется за курткой. – Значит, так тому и быть. Рита, в полдесятого я за тобой заеду, чтоб была готова.

Он поворачивается к Игорю Васильевичу, и мужчины жмут друг другу руки.

– Вы тут мою куму не обижайте. И разбудите ее в полдевятого, иначе проспит.

Это у Андрея шутки такие. Кивнув нам на прощанье, муж Натки уходит, унося с собой портфель и кучу всяких мыслей, постичь которые я никогда не смогу. Кажется, он не испытывает неприязни к менту, а я верю Андрюшкиному чутью больше, чем своему. Иногда. Но после инцидента с моими украшениями Игорь Васильевич стал мне не совсем неприятен. Я представляю, что он тоже, пользуясь горем и суматохой, заглядывает в чужие тайники... Какая гадость!

– Я знаю, о чем вы сейчас думаете. – Следователь снимает куртку и вешает ее на дверь. – Вы думаете о том, что я тоже мог вот так брать чужое. Угадал?

– Ну, собственно, да.

– Никогда. – Игорь Васильевич делает шаг ко мне, и наши глаза вдруг оказываются очень близко. – Ни разу. А я работаю уже семнадцать лет. Нет, я совершенно не хочу сказать, что все мерзавцы, один я д'Артаньян, но каждый такие дела решает сам для себя. Понимаете?

– Оставим эту тему. План действий таков: вы снимаете занавески с окон в гостиной и бросаете их в машинку – надо постирать, пока кровь свежая. А я на правах хозяйки дома первая иду в ванную. И сейчас выдам вам тапки, халат и полотенца.

– Халат?!

– Вы примерно такого калибра, как мой младший брат, который иногда у меня гостит, поэтому его халат живет здесь. Так что милости прошу, он только что постиран. А потом мы что-то поедим... если найдем еду. А то ведь так и помереть недолго. Я, когда нервничаю, делаюсь голодная, как стая волков. А вы?

– Собственно...

– Все, хватит болтать. После еды вымоем гостиную и приберемся в квартире. И не надо делать такое лицо. Мы приберемся сегодня, и точка. Еще только восьмой час, времени – вагон. А потом перестираем одежду, повесим на место занавески, снова искупаемся, и – спать. Стремлянка на балконе, приступайте.

Я оставляю своего неожиданного гостя наедине с его душевными терзаниями и иду в спальню. Какое блаженство – снять одежду, в которой бегала с самого утра, и надеть мягкий чистый халат! Вообще-то считается, что ходить дома в халате, особенно когда наличествует гость, – дурной тон, но мне плевать на условности. Я не отдыхаю как следует, если на мне надето что-то, кроме халата. А еще лучше – нырнуть сейчас в ванну, в ароматную пену, и пусть хоть мир рухнет. Но пока с этим никак, меня ждет уборка, и хорошо, что есть кому помочь.

Душ оживил меня, а запах яичницы ни с чем не спутаешь. Я быстренько вытираюсь насухо, одеваюсь и иду в сторону кухни. Игорь Васильевич, повязав мой фартук, переворачивает на сковородке колбасу. Яичница уже в тарелках. Черт, как есть-то хочется!

– Решился похозяйничать, – смотрит он на меня немного виновато. – У вас больше никакой еды не было.

– Когда я остаюсь одна, то ленюсь готовить. Сын у мамы, в школе карантин, так что я на подножном корму. Обедать мы ездим в столовку, что рядом с офисом. Нашли недорогую, где очень прилично готовят. А вечером чайку выпиваю с бутербродом – и спать. Работа нервная, знаете ли, люди иногда просто сволочи, черт их подери, вечно куча неприятностей, некогда о себе подумать...

Панков смотрит на меня с такой миной, что я в один момент начинаю понимать – не мне ему рассказывать о нервной работе. А потом мы одновременно хохочем. Это уже, наверное, истерика – но, боже мой, до чего смешно получилось!

Глава 4

– Рита, на ровном месте такие неприятности не вырастают.

Вот болван! Хоть кол на голове теши ему...

– Может, и так, но лично я представления не имею, как все это могло случиться. А еще же фотографии... ну, те. Гадость какая!

– Нет, ну отчего же... Выглядело вполне правдоподобно.

– Правдоподобно для чего? Чтобы сделать меня подозреваемой?

– Да. И когда мы убедились, что перед нами липа, подстава, возник вопрос: кому это понадобилось, кто заинтересован? А кто-то заинтересован. Кому-то хочется вас не просто уничтожить – иначе давно бы просто убили, но чтобы вас признали виновной в преступлении и посадили в тюрьму. И я хочу знать, кому это понадобилось, да еще так срочно.

– А я вам в сотый раз говорю: не знаю. Послушайте, Игорь, я очень хочу спать.

– Машинка еще стирает.

– В том-то и дело...

Мы сидим в кабинете – Панков на тахте, я в кресле. Пьем чай с печеньем и абрикосовым повидлом и говорим за жизнь. Это ли не окончательное падение? И тем не менее машинка стирает, а мы, завернувшись в халаты, уже устали спорить. Никогда не встречала человека, с которым у меня было бы так мало общего, как с ним. Инопланетянин какой-то, зеленый человечек, блин!

– Но вы все-таки были знакомы с Виктором Борецким.

– Была. И что с того? Наш роман случился сто лет назад, длился месяца три и ничем особенным мне не запомнился. Витька был тогда жутко популярным в тусовке, трахал все, что шевелится, а мне нравилось, что я типа с ним. Но в постели он был не фонтан, потому что, знаете, красивые мальчики, привыкшие, что девки на них гроздьями виснут, не привыкли напрягаться в сексе – считают себя подарком судьбы для той, кого соизволили пометить. То есть уже один факт, что это чудо-чудное прыгнуло с тобой в койку, должен осчастливить до конца дней. Но я быстро во всем разобралась и дала Витьке пинка раньше, чем он мне. Столь непривычная для него развязка стала рокеру новым опытом, и Борецкий проникся ко мне уважением, а значит, при встрече здоровался.

– Здоровался?

– Ага. Понимаете, обычно-то Витя делал вид, что не помнит своих любовниц.

– Делал вид?

– Ну да. Играл роль богомного мальчика. Ему так было удобно.

– А на самом деле?

– А на самом деле он был умный, способный и наблюдательный сукин сын и пользовался людьми, особенно тетками. Умудрялся среди всех баб найти именно ту, которая способна помочь ему в карьере. Но мало кто это понимал, а возможно, вообще никто.

– То есть Борецкий был альфонсом?

– Нет, альфонсом Витька не был – в том понимании, что привычно в это понятие вкладывается. Но он любил успешных женщин – или тех, кто так или иначе может быть ему полезен.

– И почему никто не заметил, что его выбор не случаен?

– Может, кто-то и заметил, но, знаете, Витька отлично умел маскироваться, кроме того, что был красавцем. А когда мужик настолько красив, бабы не слишком присматриваются к остальному. Тем более, если аппарат исправно функционирует и парень устроен более сложно, чем инфузория. Но я всегда знала о его особенностях. Видите ли, у меня есть дурацкое качество – видеть людей такими, каковы они есть на самом деле. Это природная способность, может, интуиция, не знаю. Но она меня никогда не подводила, хотя жить мешает – лишает иллюзий.

Начав встречаться с Витькой, я очень быстро поняла, что тот из себя представляет, и когда парень мне надоел, просто бросила его. Кстати, этим я его просто убила – вы бы видели его лицо в тот момент! Столько лет прошло, а воспоминание до сих пор греет.

– Вы не придерживаетесь принципа – о мертвых либо хорошо, либо ничего?

– Нет, не придерживаюсь. Смерть не отменяет того, что человек делал при жизни, каким был. Витька был тот еще сукин сын. Но с ним было интересно и весело, он умел сделать так, что женщина чувствовала себя особенной, исключительной.

– И вы тоже?

– Я и так про себя знаю, что особенная, Витька мне для этого был не нужен. У нас с ним не нашлось ровным счетом ничего общего, на роль мужа и отца он не годился – слишком мало зарабатывал, а все остальное меня не волновало. Витька отлично запомнил, кто из нас двоих щелкает кнудом, и решил, что я одного с ним поля ягода. Всегда радостно меня приветствовал и так далее. Но я не видела его очень давно, может, больше года. А когда не встречались, вообще о нем забывала.

– И вы его не узнали там, в квартире?

– В виде трупа? Нет, конечно. Я даже не стала присматриваться, понимаете? Не то чтоб испугалась, но все это случилось как-то совсем уж внезапно...

– Возможно. – Игорь Васильевич задумчиво потирает заросший щетиной подбородок. – История вышла темная. И я, наверное, завтра возьму за шиворот госпожу Литовченко, спрошу у нее кое-что. Очень уж мне интересно, с чего дамочка на тебя так наехала. Можно же нам уже на «ты»?

– Можно. Мне, кстати, она не понравилась с первого взгляда. Не понравилась так, что я не хотела с ней никуда идти, что для меня нетипично. Да, я терпеть не могу людей – по крайней мере, большую их часть, но эта дамочка вызывала во мне какое-то особенное отвращение, прямо, кажется, на генетическом уровне. А такое даже для меня слишком. Но Сашка настаивал, чтобы именно я ею занялась, и... Собственно, надо же нам с Вадиком на что-то жить.

– Вадик – твой сын?

– Ну, да. Ему одиннадцать лет. Такой красавец и умник, что девчонки уже сейчас шеи себе сворачивают, а уж что дальше будет, боюсь и предположить.

– А муж?

– А муж мой был придурком. Собственно, и сейчас придурок, но поскольку живет где-то там, в пространстве, отдельно от меня, его придурковатость уже не волнует.

– Да ну! И в чем же она проявлялась?

– Не хочу об этом говорить.

О чем можно говорить, когда моему бывшему проще было месяцами со мной не разговаривать, чем общаться по-человечески? К тому же ему надо было, чтоб я сама догадалась, за что же драгоценный супруг в очередной раз на меня обижен. О чем можно рассказывать, когда наш сын вызывал у него раздражение? Когда секс с ним был мучением, потому что партнер, мягко говоря, пренебрегал личной гигиеной? А еще он практически не зарабатывал денег, а если и зарабатывал, то домой не приносил. Не знаю, куда муж их девал, но жили мы на то, что зарабатывала я. А игрушки ребенку и косметику для себя покупала тайком, лишь бы не гундел, что я швыряюсь деньгами попусту. При том, что деньги-то были моими! Вот когда покупали что-то ему, он не возмущался никогда.

Нет, муж не пил, не курил, не гулял демонстративно. Но я иногда думала, что лучше бы уж пил, потому что пьяный проспится и снова будет человеком, а когда трезвый сознательно издевается над своей семьей, это... в общем совсем никуда. Много чего еще можно было бы добавить к вышеперечисленному, да смысла нет. Только не спрашивайте меня, зачем я поперлась за него замуж, потому что ответа нет. Собственно, если бы мне удалось хоть немного пожить с ним гражданским браком, я бы никогда не вышла за него, но мои родители никогда

бы мне такого не позволили. Я в своей семье была экспериментальной моделью – папа с мамой сначала на мне испытывали систему воспитания, и если та оказывалась неудачной, на младшем брате ее уже не применяли. И так до сих пор. Потому Леха и живет неплохо с женой, ведь у них за плечами год гражданского брака. Но я не могла о подобном даже заикнуться.

– Тогда давай подумаем, кто мог незаметно взять твои ключи, чтобы сделать дубликат.

– Да кто угодно мог.

– Кто угодно – не ответ. Рита, не спи, шевели мозгами!

Как же не спать, если хочется? Я устала, а теперь еще напилась горячего чая – и все, сон меня забирает так, что какое там думать, даже шевелиться неохота.

– Отстань.

– Ты хочешь, чтобы я тебе помог, или нет?

– А тебе зачем?

– Ни за чем. Я так решил.

Хм, он так решил... Видали? Но я согласна, причина уважительная.

– Ну, что ты хочешь знать?

– Расскажи мне о работниках вашего агентства. Какие там люди?

– Люди как люди, нормальные. У каждого, конечно, свои тараканы в голове, но это обычное дело. Вот наш директор, Руслан: активный, пробивной, опытный, но немного ленив. Свихнулся однажды на Кастанеде, да так назад и не завихнулся. Но даже неплохо, когда человек занят какими-то моральными исканиями, значит, он думает не только о еде и сексе. Затем офис-менеджеры: Ольга, Ленка и Сашка, царство ему небесное. Ольга – бывшая учительница, необыкновенно тактичная, умеет ладить с самыми придурковатыми клиентами. Ленка – молоденькая, очень красивая, но немного несчастная – муж у нее из ментов. Извини, конечно, но вы все какие-то психические, совершенно не пригодны ни для каких нормальных отношений. Сашка же был уникальным. Бывший офицер, в недвижимости с самого начала, так сказать, стоял у истоков. Знал всех и все, но попилвал. Он у нас пару месяцев всего поработал и мне несильно нравился именно из-за склонности к выпивке – перегар просто ненавижу. Но вряд ли Сашка брал ключи. Сумки все женщины ставят на полку, и мужики туда не лезят, так что его бы заметили. Выходит, какая-то из дам постаралась. Полезла словно в свою сумку, взяла связку, потом вернула – никто и внимания не обратил.

– А другие сотрудники?

– Агенты? Галина Николаевна – человек глубоко порядочный, нельзя даже представить, чтобы она могла залезть в чужую сумку и выкрасть ключи. Просто поверь мне на слово: такое невозможно. Потом Петька. Занимается арендой. Парень такой теленок! Самая большая его мечта – умереть во благо человечества. Так что немисливо.

– А ты? Если бы тебе сказали: умри, и все человечество с той минуты перестанет болеть, прекратятся вой-ны и так далее, что бы ты сделала?

– Послала по известному адресу. Плевать мне на человечество. Так, не перебивай меня! Значит, агенты. Ника – крашенная блондинка, немного наглая, что для нашей работы никак не минус, достаточно мстительная, но не подлая. Лина Белова. Знаешь, случись все это пару лет назад, я бы без зазрения совести ткнула в нее пальцем как на возможную претендентку, однако сейчас – нет. С ней случилась очень страшная история, которая поломала ее так, что... В общем, я с тех пор еще больше ненавижу человечество. Нет, Лину вычеркиваем. Она очень закрытый человек и, на первый взгляд, циничная, но это так, защитная броня. Ей все до лампочки, кроме работы и семьи, у нее мальчишка на три года старше моего Вадика. Теперь Ирина. Тоже одна с ребенком, девочка у нее просто умничка. Ирка тоже ничего так, нормальная, неконфликтная. Вообще, большинство агентов – разведенные тетки с детьми. Время сейчас такое, понимаешь? За дитем нужен особый присмотр, чтоб не влип никуда, а работа от звонка до звонка этого не позволяет. И зарплаты на такой службе... Ну, не вытянуть ребенка

на зарплату той же учительницы или еще кого. У нас же гибкий график, и заработать можно неплохо. При разводе мужик уходит в пространство, и все, он вольный казак. Ребенок остается с матерью, а папашка в ус не дует, какие там алименты...

– Ты недолюбливаешь мужчин?

– Я не люблю козлов и придурков, но признаю, что есть на свете и нормальные. И где-то они ходят, нормальные, вот только мне не попадались.

– А тебе очень надо?

– Уже нет. Зарабатываю сама, с сыном ладим, а мозг выносить мне не требуется.

– Интересная позиция. Ладно, давай вернемся к нашим баранам. Кто там у вас еще? Кто-то же сделал дубликаты ключей!

– Никто из названных мной. А вот Маринка, например... Ну, ты ее видел, она была в квартире. В агентстве девчонка нужна как рыбе зонтик, но мы вынуждены ее терпеть, потому что кто-то там попросил за нее или что-то в таком роде. Не мое, конечно, дело, но мне кажется, за деньги она вполне способна подобное сотворить. Тем более что я отношусь к ней неприязненно, чего никогда не скрывала.

– Почему?

– Потому что не терплю девок, которые умеют только одно – раздвигать ноги и считают при этом остальных людей вторым сортом, а себя королевами.

– Так ты думаешь, Марина могла взять ключи?

– Да. По крайней мере, другой кандидатуры у меня нет. Просто представить не могу, кто бы еще это мог сделать. Слышишь, машинка достирала. Давай развесим шмотки на батареях – и по койкам. Сил нет, как спать охота.

Вдвоем мы быстро разбрасываем выстиранные вещи по батареям. Игорь Васильевич смешно смотрится в Лехином халате, но мне строить насмешки неохота – настолько правда обессилела. А потому я ныряю в кровать и проваливаюсь в сон.

Мне редко что-то снится, а сегодня я так устала, что и подавно ничего не должно привидеться, вот только непонятно, откуда в спальне взялась Нина Литовченко и что вообще псевдоклиентка здесь делает. Ишь, стервоза, открыла шкаф и копается там свободно... Так вот у кого мои ключи!

– Ты как сюда попала?!

Она даже голову не повернула в мою сторону. Одетая в какое-то странное коричневое платье... Стоп! На ней школьная форма, еще такая, какую носили в советское время: коричневое платье, черный фартук, белые воротничок и манжеты, красный галстук. С чего это тетка вырядилась как мечта педофила? Вот тарань сушеная, я бы в свою школьную форму сейчас даже за деньги не втиснулась.

– Эй, ты что там делаешь?

Видали? Ни днем, ни ночью покоя от нее нет! Зато искать не надо. Литовченко ведь не знает, что Игорь Васильевич здесь. Кстати, сам-то он где, сторож хренов? Спит небось. Ну да ничего, с тощей дамочкой я и без него управлюсь. Правда, ноги у меня как ватные, иду словно через воду. Что за напасть? Но до шкафа недалеко, и я толкаю мерзавку в спину. Та мгновенно, как-то по-змеиному, поворачивается, и вместо лица у нее – змеиная морда. Темные глянцевые глазки смотрят на меня с ненавистью, а я даже крикнуть не могу от ужаса. Нина хватает меня за руку и пытается ужалить, теперь я отбиваюсь от нее, а за спиной стена, деваться некуда... а она уже близко, мне некуда бежать... и дышать не могу...

– Рита, успокойся! Очнись!

Голос Игоря Васильевича выталкивает меня из ужаса. Я открываю глаза – боже ж мой, так это был сон! Но такой четкий, я даже не поняла, что сплю...

– Тебе просто приснился кошмар.

В теплом свете ночника лицо следователя даже почти человеческое. Словно и не он давеча смотрел на меня взглядом сумасшедшего.

– Может, тебе водички принести?

– Нет, не надо. Игорь, пожалуйста, открой шкаф и посмотри, что лежит на нижней полке.

Панков молча открывает дверцу, в зеркале я вижу себя – в ночной рубашке, с растрепанными волосами и перепуганными глазами. Наверное, он сейчас такой послушный от того, что думает: я в одночасье спятила. И я не могу его за это осуждать, потому что, по всему виду, действительно-таки спятила.

– А что я ищу?

– Не знаю... Там пеленки Вадика, давнишние гардины, тряпки. Вроде бы все. Ну, что там?

– Как ты и сказала: пеленки, какие-то занавески. А вот...

Он вытаскивает какой-то комок и поднимает на меня взгляд. Я молча смотрю на то, что у него в руках. Это моя кофточка – салатного цвета, в розочках. Вещь уютная, хоть и немного мещанская.

– А я ее искала...

– Рита, блузка вся в крови, и кровь не старая.

– В крови?! Но...

– Наверняка экспертиза покажет, что это кровь Борецкого.

– И ты думаешь, что его убила я?

– Если бы я так думал, ты была бы уже в наручниках. А так я сижу и разговариваю с тобой. Как ты узнала, что она там лежит?

– Я не знала. Эту кофточку я еще две недели назад искала, чуть ли не в мышиные норы заглядывала, но не нашла. Потом решила, что она где-то в шкафу и сама найдется, как не раз бывало. А сейчас приснилось, будто здесь Нина Литовченко, отчего-то одетая в школьную форму, и роется в шкафу. Я к ней, а у нее вместо лица змеиная морда.

– С чего же ты взяла, что это именно Литовченко, если лица не видела?

– Почему-то знала, и все.

– Странная история. Ладно, как-нибудь справимся. Кто-то подставляет тебя, причем взрослому, технично. Если бы не вереница случайностей, которые свели на нет замысел, ты бы уже общалась с бомжихами в КПЗ. Рита, ты должна включить мозги и подумать, что необычного произошло в твоей жизни в последнее время. На ровном месте такие напасти на человека не сваливаются. Откуда Литовченко знает тебя? А она тебя знает, даже не сомневайся.

– Да ничего не случилось необычного, абсолютно! Все как всегда. А насчет того, что она меня знает, так, может, Витька ей обо мне рассказал? Если, конечно, она с ним спала. Принялся, например, перечислять своих баб – по крайней мере, тех, кого помнил, что дело нелегкое, – вот и всплыло мое имя.

– Не клеится. Если Борецкий имел дело с таким количеством женщин, почему она взъелась именно на тебя?

– Не факт. Мы же не знаем, что с другими.

– Резонно. Но мне кажется, здесь что-то очень личное. Ладно, спи, Рита. Утром отвезу твою одежду на экспертизу, но уже сейчас могу сказать, что блузка не была на тебе во время убийства Борецкого.

– Я это и так знаю. А на ком была?

– Ни на ком. Характер пятен говорит о том, что вещь просто обмакнули в кровь. Если бы убийца был одет в кофту во время убийства, на ней были бы брызги, а здесь мы видим большие пятна, ткань явно приложили к луже на полу. Да, скорее всего, так и было. Тот, кто это сделал, решил, что полиции такого «доказательства» будет достаточно. И было бы достаточно, поверь!

– Охотно. Разбираться бы никто не стал.

– Именно. А ты чего хотела? Личный состав у нас – пацаны лет по двадцать пять, а то и моложе. Что они умеют? Выбивать показания, подгонять доказательства, подбрасывать наркотику, а не проводить следствие. Старые же, опытные кадры на заслуженном отдыхе, в охранных агентствах, адвокатуре. Никто не хочет за нашу зарплату подставляться под пули.

– Не начинай! Не нравится – иди поищи другую работу, а не ломай людям жизнь только потому, что не можешь и не хочешь делать свое дело как следует.

– Вот как ты это видишь?

– Не только я. Вы там с ума посходили совсем в своих отделах? Превратили их в пыточные!

– Сама бы попробовала, потом уж и говорила...

– У меня нет такого желания! И если у тебя тоже нет, то ищи себе другое место.

– А куда я пойду?

– Хотя бы к нам в агентство. Работа как работа, ты же не вовсе баран безмозглый, введешь. Но ведь не захочешь. И знаешь почему? Потому что ты привык к власти. Отлично знаешь: стоит помахать своим удостоверением, и ты вполне можешь творить вещи, за которые другому положена тюрьма. Скажешь, нет? И вот из-за этой небольшой власти ты и не уйдешь из полиции, хотя сам понимаешь, что система насквозь гнилая и мерзкая.

– Если я такая мразь, отчего же тогда не упаковал тебя в клетку сразу, а сижу тут и разговариваю с тобой?

– Может, потому, что не все человеческое в тебе умерло. Мама тебя хорошо воспитала, наверное. Именно поэтому.

Панков устало смотрит на меня, потом молча встает и выходит. В дверях оглядывается.

– Спи, Рита. Завтра будет длинный день.

– Доброй ночи.

Да, впереди тяжелый день. И пусть меня расстреляют гнилыми помидорами за сараем, если я хоть отдаленно представляю, что происходит. Включить мозги мне сейчас трудно, потому что я не могу сообразить, с какой стороны подойти к делу. А еще замки надо поменять, сигнализацию установить, снова расходы. Да и времени не будет – в десять я должна быть в прокуратуре. Кто знает, сколько меня там продержат, а пока я отсутствую, неведомый враг может снова прийти в мой дом, и бог знает, что я после его визита тут найду. И хорошо, если именно я найду. А если полиция?

– Вставай, принцесса!

Я словно и не спала совсем, а меня уже будят. Открываю один глаз – Игорь Васильевич, завернутый в Лехин халат, притащил мне кофе в постель. Я не люблю кофе и держу его только для гостей, но следователь не мог этого знать, а потому я отважно беру чашку – человек же старался! – и делаю глоток. Боже, какая гадость...

– Ты не любишь кофе?

Панков внимательно смотрит на меня, и мне неловко – я растрепанная, неумытая... Впрочем, у него суровая работа.

– Не люблю. Но мне впервые принесли его в постель.

– Вот как? Тогда вставай и давай завтракать. Я там кашу сварил и порубил салат.

Интересно, где он взял продукты, если учесть, что у меня практически пусто в холодильнике? Не считать же за продукты растворимые супы в пакетиках.

Каша пшенная, заправленная жареным луком. А салат из капусты, моркови, лука и кусочков колбасы с майонезом. Надо же, мне бы и в голову не пришло такое сварганить. Я залила бы супчик кипятком – и весь изыск.

– Питаешься ты ужасно. Холодильник пустой, а супы в пакетиках вообще смерть для печени.

– Не будь занудой. Пока Вадик у мамы, я ленюсь. А обычно у меня всегда есть что пожевать.

– Остатки роскоши я уже использовал. Ладно, ешь быстрее.

Мне никогда не хочется есть по утрам. Я начинаю ощущать голод где-то после полудня, а самый лютейший приходит по вечерам – где-то часов в восемь просто черная дыра открывается в желудке. И знаю же, что нельзя в это время лопать, но... А результат – вот он, на остатках талии и заднице. Я бы не комплексовала из-за своей комплекции, на меня всегда находятся ценители, но одеваться стало трудновато – все красивые вещи имеют ограничения в размере, словно женщины в теле не хотят одеваться красиво. А еще меня жутко бесит, когда продавцы, предлагая мне примерить очередной мешок, говорят: эта вещь скрадывает полноту. Слово-то какое нашли! Да ни хрена мешок не «скрадывает», если что есть, то оно есть, а огромный мешок визуально сделает лишнее еще больше. Потому я назло врагам ношу вещи в обтяжку, и пусть общественное мнение что хочет, то и думает.

– Знаешь, я не голодная, что-то не хочется завтракать.

Панков смотрит на меня как на больную.

– Рита, а ты через «не голодная», через «не хочется» попробуй. Когда тебе удастся сегодня поесть?

– Но...

– Скоро придет человек, принесет замки. Я присмотрю, чтобы все сделали как надо, потом найду тебя и отдам ключи. А сейчас... сейчас ты немедленно съешь завтрак, или мы крупно поссоримся.

Все это так странно, так необычно, так нетипично для меня, что я начинаю ковырять вилкой в тарелке. Согласно биоритмам, я – ярко выраженная сова, мне бы еще спать и спать, часика три, не меньше, а там бы уже было видно, что и как. Но сегодня явно не мой день.

– Так нельзя жить. Ешь непонятно что, не завтракаешь. Я уже все насчет тебя понял и вот что скажу: такой образ жизни рано или поздно скажется на здоровье, и...

– Не будь занудой. Тебе-то что за печаль?

– Я чувствую ответственность за тебя.

Нет, вы видали такое? Ответственность он чувствует! Любопытно...

– Так вот. Имей в виду, тот хлыщ из прокуратуры Гайдей – сволочь, каких мало. И было бы хорошо, если бы дело вел не он. Но будем считать, что тебе не повезло, а потому Андрей для тебя сейчас – дар божий. Гайдей не любит возиться с расследованием, его и вообще не интересует, кто виноват, кто прав. Видела его часы и костюм? Нет, взятки он берет не больше остальных, просто папаша у него – огромнейшая шишка в бизнес-кругах нашей области. Ну, а сын делает вид, что наша служба – его призвание, на самом же деле просто не хочет заниматься семейным бизнесом. Там же работать придется, а тут можно балду гонять, притом что бабки на сладкую жизнь и так есть. О нашей ночной находке молчи, я сам решу, как быть. Насчет знакомства с Борецким скажешь то же, что и мне, то есть правду: давно Виктора не встречала, увидев его труп, не узнала. Чего ты ржешь? Что я смешного сказал?

– Да ты сам вдумайся: «увидев его труп». Словно это шляпа или кошелек. Словно труп – не сам Витька, а что-то, что ему принадлежит. Как это может быть? Что-то я совсем запуталась...

– Знаешь, у тебя в голове бродят очень странные мысли.

– У меня их сейчас так мало, что стоит потрясти головой, услышишь, как они звенят. Я по утрам торможу.

Игорь Васильевич смотрит на меня с каким-то обидным сочувствием.

– С таким характером ты должна была вляпаться в неприятности гораздо раньше. Не знаю, как ты вообще дожила до своих лет, тебя и вовсе на улицу выпускать опасно.

– Ты мне что, папочка?

– Говорю же, я чувствую за тебя ответственность. Слушай дальше. Меньше говори, пусть Андрей задаст тон разговору. Без него вообще молчи. Если собираешься врать, запомни, что именно соврала и кому, потому что если тебя поймают на вранье – все, пропало дело, навесят всех собак, и тогда очень трудно будет что-то изменить. И еще одно. Тебе будут говорить: ваши знакомые или кто-то еще сказали о вас то-то и то-то. Не ведись, стой на своем, приблизительно так, как вчера у меня в кабинете: мало ли кто что сказал, это все ложь. На самом деле против тебя нет ни улики, ни показаний – и твой директор, и покойный ныне офис-менеджер подтвердили, что ты присутствовала на оперативке. Литовченко зачем-то топил тебя своими показаниями, но это выглядит подозрительно даже для Гайдея. С ней я сам разберусь, сегодня же.

– Ага, если найдешь. Как думаешь, долго меня там продержат?

– Даже учитывая то, что есть прямые доказательства твоей непричастности к убийствам и очевидна подстава, не знаю. Может, несколько часов, а может, в час уложите. Вообще-то Андрей не позволит допрос затянуть, не беспокойся. А у тебя что, были какие-то планы на сегодня?

– А то! У меня есть клиенты, и никто не станет ждать, пока у меня все устаканится. Мне надо зарабатывать, у меня ребенок.

– Алименты твой бывший не платит?

– Нет, конечно. Говорит, что нет денег. Он же, как только мы развелись, сразу с работы уволился, и когда на суде зашла речь об алиментах, заявил, что доходов у него нет. Судья ему объяснила, конечно, что это не освобождает его от обязанности поддерживать сына материально, но он так и не заплатил ни разу. Хотя я верю, что денег у него нет. Работал он на том месте, куда его устроил мой отец, а когда развелись, быстренько решил начать жизнь с чистого листа, да только как-то не заладилось. Кстати, пока работал, денег его мы не видели, он семь лет понятия не имел, откуда еда в холодильнике берется и средства на жизнь. Зато все время мне рассказывал: если бы не ты, я бы уже знаешь кем был! Кем он собирался быть, понятия не имею, потому что я сама молча тянула, чтоб не дай бог не рассердился да не замолчал на полгода. Он же месяцами со мной не разговаривал, представляешь? Я сначала чувствовала себя виноватой, все играла в угадку – чем же снова умудрилась его обидеть? А потом мне стало по барабану. Бог с ним, пусть себе живет как знает, лишь бы нас не трогал. Ужас какой-то, семь лет терпела придурка, семь лет – псу под хвост!

– А теперь?

– Что – теперь? Теперь меня замуж и калачами не заманишь. Еще раз пройти через такое? Да никогда! Вот вечером укладываю Вадика, мы с ним полежим рядышком, поговорим, посмеемся, и никто не залетает к нам с перекошенной от ненависти мордой и с воплями: как же вы меня достали! Никто не обзывает моего ребенка гаденышем, недоноском и прочими такими словами. Мы свободны! Понимаешь? Это ощущение ни с чем не сравнить. Он гнобил нас, причем абсолютно сознательно. Ну, а что поделаешь – нереализованный мужик с паршивым характером, плохой наследственностью и отсутствием воспитания... Только не спрашивай, где были мои глаза, ответа у меня нет. Хуже всего то, что человек-то неплохой, просто очень тяжелый. Ему нужно обязательно иметь врага, и сначала врагами были его родители, а потом он меня назначил на эту роль.

– Послушай... а не муж ли бывший устроил тебе сейчас веселую жизнь? У него-то могли остаться ключи от квартиры.

– Нет, что ты, ему бы такое и в голову не пришло. Повторяю, он очень тяжелый человек, но не сумасшедший. Просто придурок.

– Это, конечно, все объясняет!

– Будешь дразниться – больше не пушу на свой диван.

– А что, ещепустишь?

– Ну, если у тебя имеется жена – нет.

– Тогда все в порядке.

Панков подложил себе на тарелку добавки. А на аппетит Игорь Васильевич, кажется, не жалуется.

– Я знаю, тебе интересно, потому говорю сразу: я был женат, у меня есть дочь. Развелся три года назад, моя бывшая вышла замуж снова и уехала к супругу в Канаду. Дочку забрала с собой. Я не спорил, не хотел мешать им – ничего хорошего бы не вышло, если бы я уперся. Мне бы все равно не передали права опеки, да и девочке мать нужнее. А теперь я утешаюсь тем, что моя дочка будет жить по-человечески – ходить по чистым улицам, получать нормальное образование, затем нормально работать. Со временем она сама все поймет. Мы переписываемся, нам удалось сохранить добрые отношения, и я этому рад, хотя очень скучаю по дочке.

– Как ее зовут?

– Лиля. Ей уже тринадцать, летом приезжала ко мне в гости. Патрик, новый муж Татьяны, души в ней не чает, а для меня самое главное – чтобы моему ребенку было хорошо. Вначале была мысль испортить бывшей всю малину с переездом. Но мама меня отговорила. Без дочери Танька не уехала бы, и я думал: не дам разрешение на вывоз ребенка, не будет ей Канады! Я был страшно зол на нее, понимаешь? А мама говорит: «Игорь, опомнись, это же твой ребенок! Ну, не поедет Татьяна, будет несчастной, станет дочку настраивать против тебя». До меня тогда дошло: а ведь факт, мама права, как всегда. Ну и подписал документы...

– Правильно сделал.

– Знаю, но по Лильке скучаю ужасно. Вот она, смотри.

Панков достает из кармана блокнотик, в нем фотография смуглой черноглазой девочки с немного раскосыми глазами и упрямым подбородком.

– Она похожа на Татьяну, но и мое что-то есть. Танька говорит, что характер. Может быть.

Если это так, то девочка вырастет хорошим человеком. Потому что вот этот вспыльчивый Игорь Васильевич – хороший человек, даром что мент.

Глава 5

– Моя клиентка уже ответила на все ваши вопросы, и вы отлично знаете, что у вас нет оснований задерживать ее.

Андрей, как всегда, говорит четко и конкретно, и Юрий Владимирович Гайдей даже, кажется, уменьшился в размерах. Вот сволочь! Вывернул меня наизнанку, как рукавичку: о Витьке спрашивал на разные лады, особенно про наш давний роман, чуть ли не цветом презервативов интересовался, извращенец. И, как предупредил Игорь, говорил: те да другие люди дали показания, дескать, видели нас с Витькой накануне убийства. А еще заявил, есть свидетельство соседей, мол, Борецкий приходил ко мне домой в прошлые выходные. В ответ я выудила из сумки железнодорожный билет, потому что именно в тот день отвезла Вадика к родителям. Вот тогда я и поняла, как Панков был прав насчет Гайдея: следователю прокуратуры очень хочется повесить на меня убийство, а лучше оба, и забыть о них.

– Да, но нам нужно выяснить еще некоторые обстоятельства, – не успокаивался бизнесменский сыночек. – Например, есть сведения, что вы, госпожа Лукаш, находились в интимных отношениях с Владимиром Тороповым.

Госпожа Лукаш – это я, если я еще не называла свою фамилию. А кто такой Торопов, интересно знать?

– Ну, да. И с Брэдом Питтом, Бараком Обамой и нашим мэром тоже. Что вы несете? Я понятия не имею ни о каком Торопове.

– Вы лжете! Вы же с ним знакомы, виделись вчера. Господин Торопов хозяин квартиры, где был обнаружен труп Борецкого.

– Ах, вот оно что... Вчера увидела его впервые в жизни.

– Это вы так говорите. А вот его жена утверждает обратное.

– Вы меня утомили. Даже если бы ее слова были правдой, что с того? Разве иметь в любовниках чужого мужа запрещено законом? Но я, повторяю, до вчерашнего дня никогда не видела ни самого Торопова, ни его жену. Зачем лжет мадам Литовченко, я не знаю.

– Конечно, все лгут, кроме вас.

– Вы правы, лгут все. И вы в том числе. Я тоже время от времени лгу – при определенных обстоятельствах. Но сейчас все выглядит так, словно вы уже просто не знаете, какие вопросы изобрести, лишь бы повесить на меня убийство – или, по крайней мере, соучастие. Станным образом Литовченко у вас говорит правду, только правду и ничего, кроме правды, а я лгу. Ей вы почему-то верите безоговорочно, мне – даже если я предоставляю доказательства – не верите вовсе.

– Вы...

– Хватит! – Андрею явно надоела наша пикировка. – Если к моей клиентке больше нет вопросов, прошу вас предоставить мне протокол допроса, мы его подпишем и уйдем. Мы все – занятые люди.

Гайдей поджимает губы и протягивает адвокату бумаги. Ему не хочется их отдавать, ведь там написано совсем не то, что ему бы хотелось, но продолжать свою игру при известном юристе уже нельзя, и это следователя злит. Андрей внимательно вчитывается в каждую строчку, скептически скривившись. Что он там ищет? Какая разница, ему виднее.

– Подписывай, Рита. – Андрей протягивает мне бумаги, а сам смотрит на своего противника. – Господин Гайдей, если к моей клиентке появятся вопросы, все будет идти законным порядком.

– Если ваша клиентка невиновна, зачем ей адвокат?

– А вам разве не известно, что людьми, которые сидели и сидят в тюрьмах без вины просто из-за глубокого убеждения следователя в их виновности, можно заселить тайгу, и очень плотно?

– Ох уж эта риторика защитника! На самом деле я уверен, что ваша клиентка отлично знает, кому она насолила до такой степени, что ее так подставили. И, пообщавшись с ней, я этому не удивляюсь.

– Безосновательное заявление. Юрий Владимирович, давайте привыкать к мысли, что в данном деле мы разберемся по-настоящему, а не будем искать зиц-председателя Фунта.

Вы бы видели взгляд, брошенный Гайдеем! Если бы ярость была напалмом, от Андрея не осталось бы и кучки пепла. Но ярость – просто эмоция, иногда конструктивная, иногда – наоборот.

Мы с Андреем молча выходим из здания и идем к его машине. У меня настроение упало ниже плинтуса. Пока не сталкиваешься с нашей правоохранительной системой, то как-то живешь, ни о чем особо не задумываясь, но когда попадаешь в ситуацию типа моей, начинаешь понимать, насколько страшной может быть эта «машина», система, как она калечит людей – и тех, кто работает, и тех, кто попадает в ее жернова в качестве подозреваемого или свидетеля. Если бы не Наткин муж, сидела бы я уже в камере в ожидании суда за то, чего не совершала, и никого бы это не интересовало.

– Я подвезу тебя на работу, а ты смотри, теперь будь осторожна. Замки когда поменяешь?

– Игорь сказал, что все сделает и привезет ключи.

Андрей заинтересованно взглянул на меня и хмыкнул. Черт подери, да я и сама понимала, как странно прозвучали мои слова, но в такой экстремальной ситуации очень хочется хотя бы кому-нибудь доверять, иначе можно сойти с ума. А еще у меня мало времени, потому что через неделю закончится карантин и мама привезет Вадика. К возвращению сына весь этот, мягко говоря, кавардак должен закончиться.

– Рита, будь осторожна.

Андрей паркуется около дверей нашего офиса с большой вывеской: «Уютный дом». Так называется наше агентство. Я бы сказала, что у нас скорее сумасшедший дом, но клиенты нами довольны.

– С ментом тоже, – добавляет Наткин муж.

– Что ты имеешь в виду?

– Ничего конкретного. Просто будь осторожна.

– Я не знаю, что значит быть осторожной. Андрюша, ты же знаешь, мой образ жизни и раньше не был, так сказать, асоциальным. Все как у всех – работа, дом. В последнее время даже романов не завожу – некогда, да и Вадик подросток. История, происходящая сейчас, – просто одно большое недоразумение. Кому я могла помешать?

– Ответ может быть таким невероятным, что мы и предположить сейчас не способны.

– Это уже неважно. Ладно, потопала я на работу. Спасибо тебе, кум.

– Спасибо скажешь, когда история завершится.

Я вылезая из машины и иду в агентство. У нас красивый офис. Руслан говорит, что в нашей работе половина успеха – это понты, все остальное – удача. Вероятно, он прав, хотя я не согласна. Но наши кремовые диваны в приемной выглядят прекрасно. Только пачкаются очень, народ-то у нас не особо дружит с гигиеной.

– Тебя Руслан ждет в своем кабинете, – сообщает мне Ленка, гордость офис-менеджерской гильдии.

Интересно, а не она ли все же утащила мои ключи?

– И чего хочет?

– Ой, не знаю. – Ленка старательно смотрит в потолок. – Но сердит ужасно.

Ага, сердит. У Руслана есть дурацкая манера обвинять нас в том, в чем мы не виноваты. Но это у него не со зла, просто оттого, что, когда случается неприятность, проще найти (вернее, выбрать для себя) виновного и сердиться направленно, чем не найти и злиться абстрактно. Если злиться абстрактно, может треснуть печень.

– Иди сюда.

Иду, чего уж там. Я не боюсь Руслана. Мой шеф, повторяю, вовсе не злой человек. А если немного успокоится, даже способен услышать еще кого-то, кроме себя.

– Закрой дверь и садись. – Руслан уже, наверное, и речь заготовил. – Ты мне скажи: что все это значит?

– Что – все это?

– Не прикидывайся овечкой! Как Сашка оказался в твоей квартире?

– Если я скажу, что понятия не имею, ты мне поверишь?

– Поверю. – Шеф устало смотрит на меня. – Рита, эта история дурно пахнет.

– Мягко сказано. Вот ты послушай еще... Может статься, хотя бы ты что-то поймешь, потому что лично я ничего не понимаю.

Я рассказываю все с самого начала, директор агентства внимательно смотрит на меня. Одна голова хорошо, две – уже мутация. Но наш Руслан умный и, будем надеяться, что-то придумает.

– То есть ты допускаешь, что твои ключи могла взять Маринка?

– Ну да. А кто еще? Кроме того, полагаю, что, вероятно, Сашка имеет отношение ко всей происходящей кутерьме, потому что будь он непричастен, то вряд ли бы оказался в моей квартире. Либо его заманили туда обманом, и тогда и фотографии, и ключи – дело рук одного и того же персонажа. Скажем, той же Маринки. Убить кого-то она вряд ли способна, а вот такие мелкие пакости – как раз для нее.

– Может быть. Но Сашка мертв, у него уже не спросишь, а вот Маринку мы поспрашиваем. Давай, позови ее... Нет, сиди. Лена!

Офис-менеджер прощелкала каблучками за дверью и заглянула в кабинет. Как она ходит на шпильках высотой с Эйфелеву башню, я и представить не в силах. Как-то раз я тоже купила себе такие туфли, но, как оказалось, смогла в них только стоять. С тех пор иногда надену их дома, постою перед зеркалом, полюбуюсь, и все. Подарить кому-то рука не поднимается – нечеловеческой красоты обувка, и ходить на таких каблучищах никак не получается, даже по комнате. А Ленка не просто ходит, бегаёт!

– Позови Марину. – Руслан хмурится. – Но тихо, без шума.

– Марины сегодня нет, на работу не пришла. – Ленка заинтересованно стреляет в нас своими зелеными глазками. – Я звонила ей, но сотовый не отвечает.

– Тогда иди работай.

Ленка обиженно фыркнула и исчезла.

– Рита, ты тоже иди работай, а я тут еще подумаю. Собственно, ты ничего не могла сделать – ни в квартире, выставленной на продажу, ни у себя дома. Если бы хоть с Мариной вдвоем вы туда пошли, без клиентки, можно было бы порешать вопрос по-тихому, а так... Ладно, проехали.

Я иду в агентскую. Все наши в сборе, ждут. Но мне нечего им сказать. Галина Николаевна и Петька смотрят на меня поверх чашек. Господи, я знаю их несколько лет, не может быть, чтобы кто-то из них имел отношение к происходящему!

– Сама расскажешь или придется допрашивать? – Галина Николаевна меняет очки, чтобы видеть меня. – Даже не думай, что сможешь отмолчаться.

Я понимаю, что отмолчаться не удастся, но поведать им все не могу. Вчерашний день что-то надломил во мне, и я, с одной стороны, не представляю никого из присутствующих в

роли убийцы, но, с другой стороны, никого сбрасывать со счетов нельзя. Ведь иногда человек, которого вроде бы хорошо знаешь, такое сфордыбачит, что только диву даешься.

– О котором из трупов вам рассказать?

Народ молча смотрит на меня. Потом Лина Белова встает, закрывает дверь агентской и снова усаживается, устремив прямо перед собой взгляд своих холодных немецких глаз. И я понимаю, что уж она-то многое способна сотворить, если ей это зачем-то понадобится. Но в том, что Белова непричастна к этой истории, я уверена. Мы с ней немного похожи – даже замужем были за типами, похожими, как братья-близнецы. Не внешне, конечно, а склонностью к растительному существованию. Только Линка более безжалостная, чем я. Она немка, ее голова всегда холодна, а мысли и содержимое сумочки – в идеальном порядке. Белова у нас еще и местная знаменитость, пишет неплохие детективы, а потому ей, как правило, ни до чего нет дела. Но голова у нее варит – дай бог каждому.

В агентстве вообще весь народ своеобразный. Когда-то у нас случился застой в работе, и тогда мы постановили, что надо обратиться к экстрасенсу. Руслан долго упирался, но дела шли совсем плохо, и ему пришлось согласиться. Дядька попался интересный до ужаса. Сначала он закурил какую-то вонючку, потом раскинул карты. Порасспросил о датах рождения всех сотрудников, а после долго стонал и качал головой. В итоге сообщил, что у нас не офис, а ведьмовской ковен. Мол, каждая из наших дам сама по себе прирожденная ведьма, поэтому в помещении переизбыток энергии. Выдал нам какие-то звоночки, мы послушно развесили их по углам, – и дела странным образом сразу наладились.

Я не очень в подобные вещи верю, но вынуждена признать: что-то такое есть, точно. По крайней мере, в нашем коллективе случайные люди не приживаются. И, как говорит Галина Николаевна, никакие мы не суки, просто работа у нас, мягко говоря, сволочная. Зато у нас отличная команда. Руслан хотя и обзывает нас бандой, но это он так, для порядка.

– История какая-то больная. – Ника наливает себе кофе. – Сашку вообще-то не жаль, а Борецкого я видела по телевизору, красивый был мужик, царство ему небесное. Думаешь, это кто-то из нас спер твои ключи?

– Не знаю. Но кто-то же подбросил мне фотографии. И в прокуратуру тоже.

– Позавчера Марина открывала твой ящик. – Ирка внимательно рассматривает свои ногти. – Я пришла рано, а она уже была в агентской. И, как мне показалось, слишком быстро задвинула его. А потом куда-то сразу побежала. Теперь думаю об этом, и ее поведение кажется мне странным. С чего вдруг девица находилась здесь, а не в маленькой комнате, как обычно?

– И ты ничего нам не сказала! – вскинулась Галина Николаевна.

– Забыла. Значения не придавала, честно говоря. Иногда бывает так – смотришь и вроде бы не видишь. У нас никогда ничего не пропадало, вот мне ничего плохого и в голову не пришло. Но сейчас вспоминаю, что ясно слышала звук – как будто задвигается ящик стола.

– И сегодня ее нет. – Лина накручивает на палец локон. – И не было, что характерно.

– Надо съездить к ней домой. – Петька берет ключи от машины. – Я знаю, где Марина живет.

– Ладно, давай навестим девочку. – Ника решительно поднимается. – Рита, ты с нами? Мы вытрясем из нее правду.

– Ага. А мы тут пока еще пораскинем мозгами. – Белова задумчиво смотрит в окно. – Нужно поднять записи в книге звонков, узнаем, когда именно звонила Литовченко.

Как я сама об этом не подумала? Ведь входящие звонки на все четыре телефона офис-менеджеры должны регистрировать – кто звонил, в котором часу, чего хотел. С другой стороны, можно было сговориться и сделать запись от фонаря. Это если Сашка причастен.

Мы садимся в Петькину машину и едем по улицам. Терпеть не могу зиму. Лето другое дело – сядишься в машину, а та нагрелась от солнца, сиденье горячее, в салоне жарко. Именно такой климат я люблю.

– А откуда ты знаешь, где Марина живет? – Ника подозрительно косится на Петьку. – Вот я, например, представления не имею.

– Как-то раз подвозил ее домой, – краснеет Петька до самых ушей. – Нам было по пути.

Мы с Никой переглянулись и заржали. Петька так смешно краснеет, что всегда забавно его подразнить, он всякий раз ведется. Как говорит Лина Белова, если человек краснеет, значит, у него или есть совесть, или, по крайней мере, фантомные боли от нее остались.

– Чего смеетесь?

Не то напряжение отпустило, не то мы устали кукситься, но мне отчего-то стало весело до истерики. Как будто других дел у меня нет, как катить сейчас к какой-то Маринке, мелкой, как мак...

– Вот ее дом. – Петька старательно отводит взгляд. – Она живет на четвертом этаже, балкон показала.

– Ага, теперь это так называется, – фыркает Ника. – Видишь, Рита, какая нынче пошла молодежь!

– И не говори. Куда катится мир? Балкон показывала, смотри ты... А в гости не приглашала? А, Петь?

– Приглашала. Но я не пошел.

– Ну да? Наверняка гонишь!

– Да что с вами спорить...

Мы все любим доставать Петьку такими разговорами, потому что каждая новенькая сотрудница, независимо от возраста, пытается ему понравиться. Мы это отлично видим, и нам смешно. Причем некоторых не останавливает, что Петька вообще-то примерный семьянин. Например, Ленка когда-то бегала за ним, теряя тапки, пока ее муж-мент что-то не заподозрил. Попало тогда Ленке – собственно, за дело. Получил свою порцию и Петька – тоже, в общем-то, поделом. Мы же его преду-преждали о возможности такого исхода, а он никого не слушал и флиртовал с Ленкой. Но для него это был именно флирт, развлечение, с Ленкой же дело обстояло серьезнее, только Петька данный факт не просек. Вот и вляпались оба. Я тогда даже думала, как бы мент не застрелил его, однако обошлось. Правда, отношения с женой у Петьки пошли вкривь и вкось, но он все равно хранит ей верность. По крайней мере, у меня такая информация, хотя, конечно, все может быть. Собственно, не мне его судить. Да и никому, если на то пошло. Но подразнить можно.

– Идемте, раз приехали.

Ника вздыхает, выходит из машины и шагает к подъезду. Я, топя следом, понимаю ее печаль. Многоэтажки – это песня, несовместимая с жизнью.

– Петь, ты в разговор не лезь, мы как-нибудь сами, – добавляет Ника.

Входим в грязный вонючий подъезд. Большая часть населения живет в подобных домах, и среди них множество людей, которые сморкаются посреди улицы просто на асфальт, если вы понимаете, о чем я говорю. Заходишь к таким в квартиру – в ней грязь, вонь, обои ободранные и засаленные, туалет как откроют – угореть можно. А жильцы обитают годами в этом кошмаре, и ничего, даже счастливы. Именно такие гадят в подъездах. Особенно стараются в лифтах. Вот и здесь кто-то справил малую нужду. Я уж не говорю про оплавленные кнопки, нацарапанные и нарисованные на стенках неприличные слова и схематично изображенные гениталии. Бог знает, как мыслит человек, для которого написать на стене название половых органов – осуществленная мечта.

– Надо было пешком подниматься. – Ника уткнулась в свой воротник и страдальчески сморщилась. – Вот же ж сволочь!

– Надо было...

Петька дышит ртом, а мне и вовсе худо. Но риелторы все-таки люди, более-менее привычные к подобным «прелестям» быта. Правда, к некоторым вещам привыкнуть невозможно.

Вот скажите на милость, с чего вдруг какое-то чмо опорожнило мочевой пузырь в лифте? До квартиры не добежало? Или просто с улицы зашло, захотев уютно пристроиться в тепле из-за зимнего мороза?

Не знаю, что побуждает людей на свинство, но как-то раз я застала в нашем подъезде тетку, которая совершила подобный грех и уже деловито поправляла одежды, собираясь уйти, оставив результаты содеянного на всеобщее обозрение. Вообще-то у нас подъезд закрывается на кодовый замок, но она, видимо, юркнула за кем-то из соседей и решила, что вполне уместно пометить территорию.

Я тогда подняла крик, на который сразу подтянулась баба Рая с первого этажа. Ее кодовая кличка Кастрюля, такая она шумная – как кастрюля, падающая на пол среди ночи. Баба Рая быстро сообразила, что произошло, и дело закончилось тем, что тетка вытирала лужу собственным свитером, глотая злые слезы под дружные насмешки всех, кто на тот момент оказался дома. Думаю, тот случай надежно отучил мерзавку гадить в чужих подъездах.

– Если ты не перепутал балконы, то квартирка Маринки должна быть здесь. – Ника нажимает на кнопку звонка. – Ну, Ритуля, пощупаем нашу красотку за все места?

– Если она причастна к этому делу, я ей сердце вырву.

– Хм, никого нет дома... – удивляется Ника и снова нажимает на звонок.

– Тихо! – Петька отводит ее руку от кнопки. – За створкой кто-то есть.

Глава 6

Тамбурная дверь приоткрывается, и мы видим Маринку во всей красе – лицо распухло от слез, волосы в беспорядке, одета в старенький халатик, на ногах растоптанные тапки. Одного взгляда хватает, чтобы понять: девчонка плакала несколько часов подряд, а возможно, начала еще вчера. Увидев нас, Маринка отшатывается и пытается захлопнуть створку. Но Ника толкает ее в тамбур, и мы входим.

– В гости не хочешь пригласить? – ухмыляется Ника. – Или прямо тут будем разбираться?

Маринка молча пятится. Чего там церемониться? Мы шагаем за ней. Петька принимается разуваться, а мы с Никой сначала осматриваем пол и дорожки. Ничего, чистенько. И ремонт не из самых дешевых. Мебель новая, хоть и недорогая.

– Ты одна дома?

Хозяйка кивает, но мне это немое кино уже надоело. Давно, когда я еще работала в школе, в одном классе сидела ученица по фамилии Клопот. Это была не девочка, а сплошная головная боль: она всегда молчала, а когда ее о чем-то спрашивали, вообще застывала. Психологов в общеобразовательных учреждениях тогда не имелось, школьница была из многодетной семьи, а потому мы с коллегами сами поставили ей диагноз – по пьянке сделанная. Я вообще терпеть не могу, когда люди тупят, и если Маринка решила объясняться с нами жестами, то пусть не обижается.

– Молчание тебе не поможет, – начинает Петька, самый толерантный из нас. – Ты понимаешь, зачем мы сейчас пришли?

Девушка снова кивает, и мне хочется стукнуть ее по башке.

– Если будешь и дальше молчать, я за себя не ручаюсь. Давай, пой, золотце, нечего разговаривать на языке немых. – Ника вплотную подходит к Маринке.

Та в ужасе смотрит на нас. Я продолжаю раздражаться, но мужественно сдерживаюсь. Сначала надо попробовать по-хорошему, не выйдет – сделаем по-моему.

– Ты здесь одна живешь?

Марина поднимает на меня взгляд и мотает головой, мол, нет. А я наотмашь бью ее по лицу. Голова девчонки дернулась, тело едва удержалось на ногах.

– Тебя предупредили, чтоб прекратила валять дурака?

Она смотрит на меня, как девственница на Дракулу.

– Только попробуй сейчас кивнуть, огребешь еще раз! Ты все поняла?

– Да...

– О, прогресс! – Ника яростно довольна. – Попробуешь еще отморозиться – всякий раз будешь получать по морде.

Я знаю, почему Марина молчит. Она, как и школьница Клопот, привыкла молчать, когда ей выгодно. Как правило, таких детей перестают трогать, чтобы сбереечь нервы. Ну, представьте себе, спрашиваешь ребенка о чем-то, а тот тупо молчит, только зенки плят, и ты в толк не возьмешь, почему он безмолвствует: то ли правда тупое, как сибирский валенок, существо вообще не понимает смысла сказанного, то ли еще отчего-то. Но это здорово действует на нервы, вот и оставляешь его в покое, поскольку нервы-то не казенные. А оно сидит молча где-то на задней парте и получает потом аттестат, но не факт, что умеет даже читать. Учителя ставят таким тройки, ни о чем не спрашивая. А им того и нужно.

Видимо, Маринка решила, что во взрослой жизни этот номер тоже прокатит. Ничего, сейчас она получит наглядный урок и сделает выводы. Если сделает.

– Повторяю вопрос: ты одна здесь живешь?

– С бабушкой.

– А где она?

– На работе.

– А родители твои где?

Девушка молча опускает глаза. Так, придется ей напомнить, что молчание – не всегда золото.

– Марина!

– Не надо меня бить, я все скажу...

Ее история, собственно, обычная. Родители пили, пока отец по пьяной лавочке не убил мать и не сел в тюрьму, где и загнулся. Маринку забрала к себе двоюродная бабушка, бывшая учительница, а ныне библиотекарша. Квартиру родителей они сдают, плюс бабушкина пенсия и зарплата библиотекарши – хватает на вполне сносную жизнь. Вот только в школу Маринку невозможно загнать – отстала безнадежно, привыкла балду гонять. Тогда один из бывших бабушкиных учеников пристроил недоросля в наше агентство.

Хоть оно называется «Уютный дом», Марина сразу почувствовала себя там неуютно. В агентстве работают тетки лет по тридцать пять и старше, которые показались ей скучными и неинтересными неудачницами. Но, приглядевшись, Маринка заметила, что и одеты они со вкусом, и украшения на них не из дешевых, и телефоны дорогие. А когда, собравшись в офисе и оторвавшись от постоянных звонков, сотрудницы садятся пить чай, то иной раз начинают такие разговоры, что недоучка не понимает ни единого слова – о каких-то книгах, философских концепциях и теориях. Со временем ей стало ясно, что не такие уж и старые эти тетки, а даже наоборот, веселые и интересные. Только среди них она чувствовала себя необразованной душой, да еще понимала, что окружающие знают, какая она необразованная дура. Марина впервые задумалась о том, что бабушка была права насчет учебы. Да и, наверное, в остальном тоже права.

Ее обучали работе на компьютере – терпеливо и вежливо, а девочка стеснялась, потому что делала кучу грамматических и прочих ошибок, которые компьютер злорадно подчеркивал красным. Между тем Лина Белова пишет книги, и они продаются в магазинах, у Риты кандидатская степень в каких-то там науках, также все остальные с высшим образованием.

Но хуже всего Маринке приходилось, когда по субботам в агентство приходили дети сотрудников. Иркина Юлька, беленькая, тощая и угловатая, капризно надувавшая губки, когда мать гладила ее по голове, усаживалась в уголке с какой-нибудь книжкой и замирала на целые часы. Причем все ее книги, как увидела Марина, написаны на иностранном языке. Пашка, сын Лины Беловой, черноглазый, очень красивый подросток, который налаживал всем компьютеры, устанавливал какие-то программы и учил съезжившуюся от ощущения собственной ничтожности Маринку пользоваться ими, казался ей еще более непонятным. А маленький Ритин Вадик, симпатичный и непоседливый, уже прекрасно умел управляться с компьютером, а еще решать сложные уравнения, от одного взгляда на которые Маринка чувствовала себя абсолютно неполноценной.

Эти маменькины балованные детки не обращали на нее никакого внимания. Но они вызывали в ней бешеную зависть, потому что никто никогда не гладил ее по голове, не занимался ее образованием, не закармливал вкусными вещами. А ведь когда Вадик начинал песню «Мааааама, хочу хот-дог и колу!», Рита, вместо того чтобы дать ему подзатыльник, бежит в ближайшее кафе и несет не только хот-дог и колу, но и фрукты, пирожные, шоколадки, киндер-сюрпризы и сок. Это для девушки было вообще за гранью! Вот только чипсы Рита сыну не позволяла, и данный факт вначале радовал Маринку – хоть чего-то не получает вредный мальчишка. А потом она поняла, что его препирательства по поводу чипсов – просто игра, интересная им обоим. И что Рита, случись нужда, солнце с неба снимет и принесет своему Вадик.

Марине странно было слышать о компьютерной академии, куда ходят три агентки, и вздохи теток о дороговизне ребячьей одежды, и разговоры их детей, Юльки, Пашки и Вадика, когда те, соскучившись за неделю, делились своими новостями и просто болтали. Причем сво-

бодно переходя в разговорах на английский или французский язык. Даже маленький Вадик! Их жизнь казалась Маринке какой-то инопланетной, куда ее не принимали.

И надо же было ей в это время познакомиться с Виктором Борецким!

Она и сама не знает, чем заинтересовала известного рокера – красивого и талантливого. Встретились случайно – Маринка пришла на работу к бабушке, а тот с парнями из рок-группы как раз сгружал аппаратуру – музыканты арендовали там помещение для репетиций. Бабушка-то работала в библиотеке Дома культуры чудом уцелевшего предприятия, и внучка навещала ее теперь каждый день, пытаясь хоть что-то понять в книгах, о которых слышала в агентстве.

А Виктор... О, Виктор знал все на свете, мог объяснить ей все «концепции» и делал это без всякого высокомерия. Потом они шли гулять – иногда. И она слушала его рассуждения с восторгом, о чем бы ни говорил новый знакомый, о музыке или политике. Маринка влюбилась впервые в жизни – сразу, в один миг. Ей казалось, что именно Виктор – тот человек, который сделает ее счастливой. Девушка ходила к нему на репетиции и как-то вдруг заметила, что «в свет» Виктор предпочитает ходить без нее. На тусовки, гастроли и презентации Виктор приглашал других женщин (один раз даже звал Риту Лукаш, да та отказалась). Маринка пробовала закатить истерику, но ответ любимого был простым и жестоким:

– Малыш, тебе нечего там делать. Еще ляпнешь что-то невпопад, и мне будет неудобно, и тебе самой стыдно. Ты должна понять: у меня есть репутация, а тебе нужно еще многому учиться и очень много читать. Попроси Риту, пусть она тебе объяснит.

– Риту?

– Да, Риту Лукаш. – Виктор мечтательно улыбнулся. – Боже мой, какая женщина! Огонь!

– А муж ее бросил! – в сердцах выкрикнула Маринка.

Виктор посмотрел на нее с сочувствием, как на больную:

– Это она его бросила.

Вот так и всплыло то, что Виктор не просто знаком с Ритой, но они вместе учились в университете и даже какое-то время встречались. И отношение Виктора к Рите всегда было неизменно уважительным, подчеркнуто восторженным. Что за зверь ревность, Маринка тоже узнала тогда. Она злилась, плакала, но все равно бегала за Виктором как щенок. Бабушка ругала ее, уговаривала, но все понапрасну...

– Понимаете, что я почувствовала, когда увидела его там, в квартире, в луже крови?

Маринка всхлипывает, и мне становится ее жаль. Ведь, в отличие от меня, она Витьку узнала сразу. Я точно знаю, как страшно увидеть мертвым того, кого любишь.

– А зачем ты лазила накануне в мой стол?

– Скрепки искала. – Марина опускает взгляд. – Рита, почему он не сказал мне, что вы... вместе?

– Но мы с ним не были вместе – в том смысле, который ты вкладываешь в это слово. Я вообще очень давно его не встречала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.